

Лена Обухова

A crow with dark, iridescent feathers is perched on a moss-covered, weathered tombstone in a foggy cemetery. The crow holds a large, ornate, antique key in its beak. The background is a misty forest with tall, thin trees. The overall mood is mysterious and gothic.

Украденный Ключ

Городские легенды 2:
Медвежье озеро

Елена Александровна Обухова
Украденный ключ
Серия «Городские легенды
2: Медвежье озеро», книга 2

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69828706*

Аннотация

Несмотря на все трагические события, сопровождавшие подготовку к открытию, гостиница на Медвежьем озере принимает первых гостей. Юля твердо намерена в скором времени наладить работу и заполнить все номера, а Влад больше увлечен поиском объяснений своему внезапному прозрению. Обоим приходится вновь начать собственное расследование, когда в гостинице одна за другой пропадают две девочки, и подозрения полиции опять падают на Юлю. С возвращением зрения Влад утратил способность рисовать подсказки, но обрел другую.

Поможет ли она найти ключ к этой истории? И как со всем происходящим связана девочка, потерявшаяся на Медвежьем озере семнадцать лет назад?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	29
Глава 3	40
Глава 4	53
Глава 5	66
Глава 6	78
Глава 7	93
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Лена Обухова

Украденный ключ

Пролог

Медвежье озеро

Сентябрь 2004 года

«Это будет очень круто. Ты не пожалеешь, гарантирую!» – пообещал ей Клим и, конечно, обманул.

Их отношения начались еще в прошлом учебном году, но после сессии она была вынуждена вернуться на лето домой и не сомневалась, что на этом все и закончится. Клим был слишком симпатичным, необычным и ненадежным парнем, чтобы ждать ее возвращения.

Однако он дождался. Все лето писал письма – электронные, конечно, – а когда она приехала в Москву перед началом нового учебного года, даже встретил на вокзале. Ну, почти. Перепутал время прибытия ее поезда и опоздал на целый час, поэтому ей пришлось сидеть на вокзале и ждать его, но все-таки он приехал и помог дотащить вещи до общаги.

Тогда же Клим первый раз озвучил идею отправиться в ближайшие выходные в поход.

– Это будет здорово, поверь! – глядя на нее горящими глазами, убеждал он. – Лес, тишина, природа, костер. Будем жа-

ритель сосиски, петь под гитару и играть в бадминтон!

До того момента она и не предполагала, что Клим – фанат этой игры, но его слова звучали так, словно способа лучше провести выходные не существует.

Торчать в лесу двое суток, наконец снова дорвавшись до столицы, совершенно не хотелось. Она все лето подрабатывала и жаждала потратить накопленные деньги на культурные и не очень, но определенно городские развлечения. А Клим предлагал отправиться в пятницу сразу после занятий куда-то в Подмосковье, чтобы успеть добраться и поставить палатку до темноты. Посидеть у костра, переночевать, провести на природе еще целый день, и в Москву вернуться только в воскресенье.

Следовало отказаться, но он так заманчиво все расписывал, что она не смогла. Особенно польстила оброненная им фраза о том, что он все лето ждал ее возвращения ради такой вылазки. Юное сердечко дрогнуло и растаяло от нежных слов. Предложенный поход действительно стал казаться отличной идеей.

Однако все пошло не так практически на самом старте. Выяснилось, что идут они не одни, а берут с собой еще двоих парней. Она их знала – это были однокурсники Клим, но новость все равно заставила ее занервничать. Одно дело выходные вдвоем, а быть единственной девушкой среди троих парней – это совсем другое. Мать еще перед первой поездкой в Москву все уши ей прожужжала о том, чтобы она

была осторожна и благоразумна. Да и по общежитию ходили всякие жуткие истории о чрезмерно доверчивых девочках.

Но отказаться на этом этапе было уже как-то неловко. Что она могла сказать? «Я боюсь, что вы перепьете и втроем изнасилуете меня»? Прозвучало бы глупо. Все-таки она их неплохо знала: нормальные ребята, учатся почти без троек. К тому же рюкзаки уже были собраны, еда закуплена и намечен автобус. Солнышко светило ярко и пригревало почти по-летнему, и на все выходные обещали хорошую погоду.

Она чуть снова не передумала, когда Клим надел на нее рюкзак: тот оказался очень тяжелым. Но увидев, какие рюкзаки взвалили на себя ребята, возмущаться не стала.

Старенький пазик дребезжал и пах бензином, но ехали они, к счастью, недолго. Сошли на пустынной остановке, на которой, кроме них, никто не вышел. Зато один грибник с огромной, доверху наполненной корзиной забрался в автобус.

Не успела она обрадоваться тому, что место оказалось вполне цивилизным – трасса еще весьма оживленная, на другой стороне дороги многочисленные частные дома и домики и даже вывеска «Магазин», – как они свернули с шоссе и пошли по проселочной дороге. Неплохо укатанной, но не асфальтированной.

Шли утомительно долго, но в конце концов вышли к озеру. То имело подозрительно круглую форму, но Клим заверил, что это именно озеро, а не пруд. Берег здесь по большей

части был заросшим, но виднелись и вытопанные полянки, на которых явно проводили время люди. Одна из них могла бы подойти и им, но оказалось, что это еще не цель их путешествия.

– Тут беспонтово, – отрезал Глеб – долговязый приятель Клима. – Слишком близко к дороге. Нам надо на ту сторону, в лес.

Она все-таки попыталась возразить, мол, чем здесь плохо? Вид красивый, все равно нет никого и до автобусной остановки не так далеко. Опять же, магазин есть на случай, если что забыли. Но ее доводы не стали слушать.

– Это сейчас тут никого, а завтра понаедут шашлыки жарить, – фыркнул Андрей, второй приятель Клима – невысокий и худощавый. – Весь берег обсыпят. Не, надо идти дальше.

И они пошли. С каждым шагом рюкзак, казалось, весил все больше, она умудрилась пару раз подвернуть ногу, но обошлось без травм, к концу пути только мозоль на пятке образовалась. Хотелось есть и в душ, но последняя радость никому из них не светила в ближайшее время.

Озеро осталось позади, они углубились в лес. Тот не выглядел очень уж пугающе: деревья не частили, между ними вполне можно было пройти, и в целом место походило скорее на лесопарк, чем на настоящий лес. Рядом с ее родным городом имелись куда более дикие места. Она туда не ходила, но мимо проезжала.

Немного озадачил камень, похожий на полуразрушенную могильную плиту. Она бы и не заметила, если бы громко не каркнула ворона, сидевшая на нем. Но подойти ближе и рассмотреть ей не дали: Клим окликнул и попросил не отставать.

Он и оба его приятеля были в шумном восторге от леса и называли его «настоящей дикостью». Одно слово – москвичи.

Все начало налаживаться, когда они, наконец, выбрали место для стоянки. Даже просто скинуть на землю рюкзак стало настоящим блаженством, а уж сесть на поваленное дерево и вытянуть гудящие от непривычной нагрузки ноги – и того круче.

Но вскоре выяснилось, что у них одна палатка, то есть спать им предстояло всем вместе.

– Так теплее и аренда выходила дешевле, – объяснил Клим извиняющимся тоном.

Снова подняла голову тревога, но не задержалась надолго, вытесненная другими заботами. Например, оказалось, что никто из ребят толком не умеет разводить костер, и на то, чтобы он разгорелся, ушло больше часа. За это время они сгрызли половину имеющихся в запасе чипсов и сухариков, но после все равно зажарили и слупили все сосиски – их оказалось не так уж много. Чего было много, так это пива и лимонада в банках. А вот из овощей – только пять огурцов, которые к тому же никто не догадался помыть. Чистой воды

у них было в обрез – всего одна пятилитровая канистра.

Так что на следующий день у них оставалось только два килограмма картошки, несколько вареных яиц и чипсы с пивом и колой. Это позволяло надеяться, что к обеду ребятам надоест «дикое приключение» и они все же решат вернуться домой.

Но грядущую ночь еще предстояло как-то пережить. Бадминтон они отложили на субботу: в сумерках волан было плохо видно, да и ветер мешал. С посиделками у костра и песнями под гитару тоже не сложилось. Во-первых, оказалось, что Глеб практически не умеет играть, да и гитара у него расстроена. А во-вторых, ни с того ни с сего начал накрапывать мелкий дождь. Его пытались игнорировать, но минут через двадцать он все же загнал их в палатку.

Ребята, несмотря ни на что, храбрились и утверждали, что отлично проводят время, а она просто решила дотерпеть до утра в надежде, что завтра им самим все надоест и голод или плохая погода заставят их сократить программу.

А пока они сидели в палатке, слушая монотонное шуршание дождя. Парни играли в карты, а она пыталась посчитать, сколько раз за этот день успела пожалеть о том, что согласилась на поездку. Точного количества вспомнить не смогла, но готова была прибавить еще один: в палатке было одновременно зябко и душно, и как они будут спать здесь вчетвером, она совершенно не понимала.

После пива хотелось в туалет, но выползать в сырую тем-

ноту лишний раз совсем не улыбалось, так что оставалось только терпеть до последнего. Она откинулась на свод палатки и вытянула ноги, чтобы максимально ослабить давление на мочевой пузырь, но понимала, что со временем все равно придется выбраться наружу. Но, может быть, хоть дождь закончится к тому моменту? Судя по звуку, он затихал.

Именно тогда сквозь непромокаемый, но довольно тонкий материал кто-то вдруг коснулся ее. Как будто пальцем ткнул. Она инстинктивно отпрянула, осмысливая произошедшее. Показалось? Там ведь снаружи нет никого...

– Зай, ты чего? – поинтересовался Клим нахмурившись.

Они с парнями только что весело гоготали над какой-то шуткой, которую она пропустила.

– Не знаю... Меня как будто кто-то коснулся.

– Да не трогает тебя никто, – проворчал Глеб. – Мы за километр от тебя.

Последнее было явным преувеличением: палатка им досталась не такая уж просторная. Но парни действительно держали дистанцию, то ли не желая злить Клима, то ли чувствуя ее опасения.

– Нет, снаружи. Через стенку.

Она потрогала место, в котором почувствовал тычок, проверяя, нет ли там ветки или чего-то в таком роде.

– Да показалось тебе, – отмахнулся Глеб.

– Ну или волк пришел и носом тычется, – хмыкнул Андрей. – Ща укусит за бочок и утащит... Куда там утаскивает

волчок, который кусает за бочок?

– Нет тут никаких волков, – возразил Клим, успокаивающе поглаживая ее по ноге. – И снаружи нет никого. Некому там быть.

Его слова не очень-то успокаивали, поэтому прижиматься к стенке палатки она больше не стала, села прямо, прислушиваясь и оглядываясь. Парни вернулись к игре, но не прошло и минуты, как она опять отвлекла их, теперь указывая пальцем на другую стенку.

– Вот, там, снова!

– Что там? – встрепнулись Клим и Глеб одновременно.

Андрей выпил больше, а потому не делал резких движений.

– Там была чья-то рука! – Она растопырила собственную пятерню, показывая, что видела. – Кто-то прижался ею к стенке снаружи. Только...

– Что? – подтолкнул Клим, когда она замолчала, хмуро глядя на свою ладонь.

– Только маленькая рука была. Как будто детская...

– Бред какой-то, – отмахнулся Андрей лениво. – Играть-то будем?

– Может, и не бред, – возразил Клим. – Я когда это место искал, мне объявление попало. Тут девочка потерялась, в прошлые выходные. Родители вроде грибы собирали, отвлеклись, а она уже куда-то ушла. Кажется, ее пока не нашли.

– Если не нашли, то искать перестали, – заметил Глеб. –

Иначе весь лес был бы нашпигован спасателями и добровольцами. – Но, скорее, нашли. Потому что, даже если бы решили, что живой уже не найти, искали бы тело.

– А если просто теперь в другом месте ищут? – предположила она встревоженно. – А девочка все-таки здесь? Вот, слышите?

Все четверо прислушались, затаив дыхание, и действительно разобрали топот чьих-то ног вокруг палатки и... звонкий детский смех.

– Потерявшаяся неделю назад девочка бегает вокруг чужой палатки и смеется, вместо того чтобы звать на помощь? – с сомнением протянул Глеб.

И по тому, какими взглядами они обменялись, стало понятно, что остальные с ним согласны. Это было ненормально, а потому – тревожно.

– Может, она свихнулась от страха и голода? – предположил Клим.

– Или это другая девочка, – высказал свою версию Андрей, меняя позу и намереваясь открыть вход в палатку.

«Какая – другая? И откуда?», – захотелось возразить, а потом и остановить его, но ничего из этого она не успела.

Андрей уже расстегнул молнию, и внутрь хлынул свежий влажный воздух. Один за другим парни выбрались наружу, Клим и Глеб успели вооружиться фонариками. Ей пришлось последовать их примеру. Неведение пугало сильнее.

А снаружи оказалось совсем нестрашно. Темно, конечно,

но тихо и спокойно. Даже дождь уже перестал, оставив после себя только влажную взвесь в воздухе.

И никого. Ни девочек, ни волков. Свет фонариков выхватывал из темноты только деревья, ветки, листья...

– Я ж говорил, померещилось тебе, – фыркнул Андрей. – Ладно, раз вылезли, пойду хоть отолю.

– Мне, вообще-то, тоже надо, – призналась она.

– Значит, мальчики налево, девочки направо, – усмехнулся Глеб.

А Клим отдал ей фонарик, чтобы было не так страшно.

Она отошла подальше и положила фонарик в траву так, чтобы он светил в сторону. Совсем выключить рука не поднялась. Потому что стоило остаться одной, как скрипучая тишина леса показалась все-таки опасной, таящей в себе скрытую угрозу.

Уже выпрямившись и застегивая молнию на джинсах, она услышала в глубине леса пронзительный крик. Или даже вопль: протяжный, полный ужаса и страдания, в конце он превратился в низкий вой, прежде чем совсем стих. Хорошо, что успела опорожнить мочевой пузырь, иначе это произошло бы сейчас произвольно.

Схватив фонарик, она покрутилась вокруг своей оси, направляя луч во все стороны, но так никого и не увидев, ломанулась обратно к палатке.

– Вы слышали это? Слышали? – вопрошала она, глядя на напряженные, бледные лица ребят.

Они слышали. И теперь все вместе, сгрудившись у палатки, светили фонариками, вглядываясь и вслушиваясь в лес. А тот, казалось, присматривался к ним, размышляя – отпустить или сожрать.

– Наверное, это птица какая-нибудь, – предположил Андрей, но уже без прежней вальяжности в тоне. – Ночная.

– Ты debil? – возмутился Глеб. – Какая птица может так кричать? Там как минимум кого-то живьем едят.

– Если бы ели, кричали бы дольше, – возразил Клим. – А тут один вопль – и все, тишина. Может, и птица. В темноте все кажется другим. Более пугающим.

– Угу, птица, – пробормотала она, прячась за его спиной. И припомнила «Собаку Баскервиль»: – Болотная выпь...

– Нет здесь болота, – проворчал Глеб, не узнав отсылки. Но еще через какое-то время тишины все же согласился: – Может, и птица...

Клим шевельнул рукой, в которой держал возвращенный ему фонарик, луч сместился и высветил среди сплетения веток чье-то бледное лицо. Она невольно вскрикнула, увидев это. Лицо мелькнуло – и снова потерялось в темноте.

– Что еще? – недовольно буркнул Андрей.

– Девочка! Там была девочка, между деревьями!

Теперь уже оба фонарика засветили в том направлении, и им удалось рассмотреть, как мелькнул, прячась в кустах, детский силуэт.

– Эй, стой! – крикнул Клим и устремился вперед. –

Не убегай, мы тебя не обидим! Стой!

Андрей и Глеб побежали за ним, и ей ничего не оставалось, как присоединиться. Не торчать же одной у палатки?!

– Клим, стой! – окликнул Глеб. – Стой, дубина, потеряемся!

Не сразу, но Клим послушно замер, переводя дыхание и светя фонариком во все стороны. Когда они догнали его, стало понятно: он остановился только потому, что потерял убегающую девочку из вида.

– Не понимаю, куда она делась! – пробормотал он с досадой. – Почему убегает? И как бежит так быстро?

– Меня сейчас интересует другой вопрос, – проворчал Глеб. – Где наша палатка? Как нам к ней вернуться? К черту девочку. Убегает, значит, не хочет, чтобы ей помогли.

Утверждение звучало очень сомнительно, но к палатке хотелось вернуться всем: в сырой темноте посреди леса, где не было видно, что происходит в трех шагах от тебя, кто притаился за соседним деревом, они чувствовали себя очень некомфортно.

– Нам все равно здесь никого не найти, – тихо заметила она, касаясь плеча Клима. – Давайте вернемся.

Он не стал возражать, а Андрей заявил, что знает, где палатка.

– Мы не успели уйти далеко, – заверил он. – Я легко найду дорогу.

Однако, несмотря на его уверенный тон, палатки в ожи-

даемом месте не оказалось. И вскоре стало понятно, что об этой поездке в лес пожалеют они все.

Но к тому моменту было уже поздно.

Глава 1

14 мая, пятница

Медвежье озеро

В маленьком окошке загорелась цифра «1», едва слышимый гул стих, раздалось мелодичное треньканье, кнопка вызова погасла, и двери разъехались в стороны. Мужчина в фирменной спецовке оторвал взгляд от планшета, посмотрел на Юлю, замершую у входа, и объявил:

– Все работает. На этажах останавливается, на вызов реагирует. Можете пользоваться.

– Спасибо, – улыбнулась Юля. Ткнув пальцем в панель управления, она поинтересовалась: – А зачем здесь эта кнопка?

Поскольку в здании гостиницы было всего три этажа, панель управления в лифте выглядела весьма скромно: три цифры, кнопки «закрыть двери» и «открыть двери», вызов диспетчера на случай аварии, а еще она – кнопка с буквой «Р».

– Это для подземной парковки, – бодро объяснил мастер и тут же торопливо уточнил: – если бы она у вас была. Но у вас же нет?

Юля мотнула головой и зачем-то добавила:

– У нас достаточно места для наземной.

– Да, я видел. Не знаю, может, планировалась и подземная

на каком-то этапе? Вот и заказали лифт с такой опцией?

На этот раз она смогла только пожать плечами в ответ. Гостиница была выкуплена у предыдущего владельца почти готовой. Здание уже стояло, черновую отделку завершили. Местами даже начали чистовую, но тут-то работы и застопорились, а объект выставили на продажу. Всю строительную документацию им отдали, конечно, но с самим владельцем Юле пообщаться не довелось, поэтому какие там у него были планы на заре проекта, она не знала. Вполне могла быть задумана подземная парковка, но в итоге на ней решили сэкономить.

Волновало другое.

– А что будет, если нажать эту кнопку?

– Да ничего особенного. Вот зайдите.

Мастер посторонился, освобождая ей пространство, которого в кабине и так было вполне достаточно. После секундного колебания Юля сделала шаг вперед. Мастер нажал на кнопку с буквой «Р», но она не засветилась, как предполагалось. Он нажал на нее еще пару раз, после чего двери все-таки закрылись, но кабина не двинулась с места.

– Двери закрылись просто потому, что время вышло, – пояснил мастер. – А так кнопка пустая. Что она есть, что ее нет – кабина на нее не реагирует.

Он нажал на кнопку «открыть двери», и те послушно разъехались в стороны, а Юля тихонько выдохнула, только сейчас заметив, что непроизвольно задержала дыхание, ко-

гда они закрылись. Как будто ждала, что лифт все-таки поедет вниз.

– А это зачем? – поинтересовалась она, прежде чем выйти из кабины. – Для ключа? У меня такого нет.

– Наверняка где-то должен быть, их обычно пять штук по умолчанию выдается, – пожал плечами мастер. – Это чтобы можно было этаж закрыть. Например, решите вы на третьем сделать офисы, а не комнаты. Позовете меня, я вам запрограммирую, чтобы без поворота ключа в этой скважине лифт туда не ехал. Ну, то есть, чтобы постояльцы по административной территории не шастали. Понимаете? Или, например, решите вы там сделать vip-зону, доступ в которую только у особых клиентов есть...

– Я поняла, – мягко перебила Юля, чтобы он не начал еще какие-то примеры приводить. Женщина, стоявшая у стойки регистрации, уже посматривала на них с неодобрением. Впрочем, это вполне могло быть ее дежурное выражение лица. – Спасибо, пока ничего такого не требуется. А ключи, возможно, остались у предыдущего владельца. Если понадобятся, к вам можно будет обратиться за дубликатами?

– Конечно. Если это все, то подпишите здесь. Можно просто пальцем.

И он протянул ей планшет, на экран которого был выведен документ, подтверждающий, что все работы проведены и заказчик претензий не имеет. Юля несколько неловко поставила на нем подпись, после чего мастер удалился, а она

снова выдохнула.

Ее бы воля, она вообще убрала бы эти лифты. Или заколотила. После недавно приснившегося кошмара она предпочитала лестницы. Но увы. Пусть в гостинице всего три этажа, но заставлять гостей подниматься с чемоданами по лестнице – плохая идея. Не говоря уже о том, что горничным с тележками тоже нужно как-то подниматься и спускаться. Пока лифты не работали, она не сдавала второй и третий этажи, но если использовать номерной фонд только на треть, успешный бизнес не построить. А по факту первый этаж составлял скорее четверть номерного фонда, поскольку здесь находились помещения для персонала и гостиничный ресторан.

– Юлия Андреевна, можно вас? – позвала девушка-администратор.

– Конечно.

Нацепив на лицо дежурную улыбку, Юлия подошла к стойке, кивком приветствуя хмурую гостью, которую все еще оформляли, и вопросительно посмотрела на администратора.

– Женщина просит комнату на третьем этаже. Я пыталась объяснить, что мы их еще не сдаем, но она настаивает.

– Не люблю первый этаж, – пояснила гостя мрачно. – Мне некомфортно.

– Я с удовольствием поселила бы вас выше, – извиняющимся тоном ответила Юлия, – но у нас только что подключили лифт, поэтому горничные только сейчас начнут гото-

вить второй и третий этажи...

– Могу подождать, – тут же заявила женщина.

– Ждать придется не менее получаса, – предупредила Юля. – Но если вы не торопитесь, мы будем рады предложить вам кофе во время ожидания.

– Я лучше пройдусь. Вещи где-то можно оставить? – она кивнула на объемный рюкзак, лежащий у ее ног.

«Как странно, – подумала Юля. – С таким обычно в походы ходят, а не в гостиницы ездят».

Но вслух ничего не сказала: гости лучше знают, в чем им удобнее возить вещи.

– Конечно. Марина, дай ключ, пожалуйста.

Взяв у администратора ключ, Юля открыла специальное небольшое помещение для хранения багажа, сейчас абсолютно пустое. Женщина затащила туда рюкзак, объявила, что вернется через полчаса, и торопливо выскользнула за дверь.

– Марин, пожалуйста, постарайся не использовать слова типа «женщина» или «мужчина», когда говоришь о гостях, – попросила Юля, возвращая администратору ключ.

– Это же не оскорбление, – насупилась та. – Да и на девушку она не тянет. Ей же под сорок!

Она так смешно округлила глаза, словно в ее понимании в таком возрасте нужно дома сидеть, а не с рюкзаком разъезжать. Самой Марине, насколько помнила Юля, не так давно исполнилось двадцать. А ушедшей гулять женщине она сама

не дала бы больше тридцати пяти.

– Слова «девушка» и «молодой человек» тоже лучше не использовать. Называй людей гостями. И у тебя в руках только что был ее паспорт, поэтому ты могла назвать ее по имени и отчеству. Так людям приятнее. И, конечно, надо всегда искать способ выполнить желание гостя. Хорошо?

Марина кивнула, опустив глаза. Поскольку она отучилась в профильном колледже, ей наверняка все это уже говорили, но она то ли забыла, то ли не придавала значения. Ничего. Еще научится. Практика учит куда лучше, чем колледж, – это Юля знала по собственному опыту.

– Тогда передай горничным, чтобы начали с триста шестнадцатой комнаты. И посмотри, сколько у нас бронирований на ближайшие дни, нужно их распределить по второму и третьему этажам. И, соответственно, комнаты подготовить.

Снова кивнув, Марина занялась выполнением поручения, а Юля заглянула в список дел в смартфоне, чтобы вычеркнуть оттуда пункт с лифтами и посмотреть, чем еще нужно заняться сегодня.

Она все еще чувствовала себя немного странно, управляя собственной гостиницей. Живой гостиницей, в которой работают люди – администраторы, горничные, повара, официанты, охранники – и в которой люди отдыхают. Гостей пока немного, но это уже настоящие клиенты, узнавшие о «Медвежьем озере» и выбравшие его для проживания. А то, что их пока мало, только к лучшему: так проще отладить про-

цессы и обучить персонал. Им и так пришлось нелегко, когда Денис Савин – коуч, волею случая ставший первым постояльцем еще не открывшейся гостиницы, – провел здесь выездной семинар для своих последователей. Но если бы Юля не договорилась с ним, возможно, до сих пор тянула бы с официальным открытием после всего, что произошло.

Однако она договорилась, и отступать ей стало некуда. Теперь каждое утро она приводила себя в порядок, надевала деловой костюм и туфли на шпильках и в режиме нон-стоп решала рабочие вопросы, список которых не желал сокращаться.

Погрузившись в перечень задач на этот день, она не услышала, как за ее спиной снова открылась входная дверь, зато несколько секунд спустя почувствовала движение, чье-то присутствие. Вдоль позвоночника прокатилась волна мурашек, но обернуться и посмотреть, кто к ней подкрадывается, Юля не успела. Поверх глаз легли мужские ладони, а хорошо знакомый голос у самого уха прошептал:

– Угадай кто.

– Влад! – обрадованно выдохнула Юля.

Он убрал руки и отступил на шаг назад, позволяя ей все-таки обернуться.

Это действительно был ее муж во всей своей красе: в хорошем деловом костюме, галстук, начищенных до блеска туфлях, с широкой уверенной улыбкой на губах и... в темных очках. Последняя деталь смутила: такие очки Влад но-

сил, пока был слеп, но две недели назад зрение к нему неожиданно вернулось.

Правда, причины внезапного прозрения были совершенно непонятны, поэтому большую часть этих двух недель они провели порознь. Влад проходил обследования сначала в Москве, а потом уехал в Санкт-Петербург, тогда как она была вынуждена вернуться на Медвежье озеро из-за запуска гостиницы.

Неужели за это время что-то опять случилось и слепота вернулась?

Нет, Влад сказал бы. Они созванивались каждый день, муж держал ее в курсе всех новостей. Юля знала, что уплотнение у него в голове, мешавшее мозгу обрабатывать сигнал от глаз, исчезло по непонятной причине. Ни один врач так и не смог объяснить, как это могло произойти и почему произошло так стремительно после стольких лет, прошедших с момента травмы. Если бы что-то изменилось, Влад сказал бы.

Впрочем, о том, что приедет сегодня, он ведь не сказал...

– Все в порядке, Юль, – заверил Влад, вероятно, заметив на ее лице смятение. Он демонстративно развел руки в стороны. – Видишь? Я без трости.

– Очки не снимаешь для крутого вида? – усмехнулась Юля. И тут же потеряла к этому вопросу интерес. – Ты надолго?

Влад полуобернулся, указывая на стоявшего позади Иго-

ря. Тот держал за ручку внушительного размера чемодан на колесиках.

– Надолго. Может, выпьем кофе? Я все объясню.

– Конечно.

Она взяла его под руку и повела к помещениям для персонала. Там находились комната, в которой она жила, и общая кухня.

– Когда вы успели поставить дверь? – удивился Влад. – Раньше не было.

– Буквально три дня назад закончили, – вздохнула Юля, слегка удивленная тем, как стремительно и ненавязчиво Игорь успел переместиться к этой самой двери и открыть ее для них. – Пришлось отгородиться, потому что табличка у входа в коридор никого не останавливала и к нам постоянно заходили постояльцы. Правда, отдельные личности умудряются забредать и теперь, так что придется повесить магнитный замок.

Пока она открывала дверь номера, чтобы Игорь смог вкатить туда чемодан, и предлагала ему присоединиться к ним за чашкой кофе, Влад прошел на общую кухню. Получив от Игоря отказ и безмолвный намек на желание выйти на улицу, чтобы спокойно покурить, Юля последовала за мужем. К тому моменту он успел опустить на всех окнах рулонные шторы, хорошенько затемнив помещение. И только тогда снял очки, помассировал переносицу.

– Все еще болят? – догадалась Юля.

В первые дни, пока она была с Владом в Москве, его глаза никак не могли адаптироваться к яркому и даже не очень яркому солнечному свету. Электрический переносили лучше.

Он кивнул, снимая пиджак и вешая его на спинку одного из стульев. Садясь за маленький столик, ослабил узел галстука. Юля включила кофемашину и тихо поинтересовалась:

– Что говорят врачи? Это надолго?

– Они ничего не понимают, – отмахнулся Влад. – Бормочут что-то про психосоматику и мои подсознательные страхи, опять сватают мне психотерапевта.

– А по поводу уплотнения питерские врачи тоже не сказали ничего нового?

– Нет, но я, честно говоря, ездил туда не ради них. Я консультировался с ИИН.

– Это который Институт исследования необъяснимого? – припомнила Юля, ставя на столик перед ним чашку с кофе и садясь напротив.

– Да. Они предположили очевидное: у исчезновения уплотнения не медицинская причина. Я показал им фотографию символа, которую ты сделала, и Нурейтдинов изъявил желание приехать и взглянуть на могильный камень лично. Он приедет вечером, как я понимаю, не один, потому что попросил номер на двоих с дополнительным спальным местом для ребенка трех лет.

– С этим проблем не будет, – заверила Юля. – У меня полно свободных номеров. Только... Я не понимаю, что именно

он надеется тут найти?

Задумчиво поглаживая кончиком пальца ручку маленькой кофейной чашки, Влад пожал плечами.

– Не знаю. Но, надеюсь, он поможет нам разобраться в том, что произошло той ночью. Жаль, ты не сфотографировала символ, что был начерчен у меня на лбу, прежде чем смыть его.

– У меня в тот момент были другие приоритеты, – нахмурилась Юля, стараясь не погружаться в воспоминание, пугающее до сих пор.

– Я понимаю, – улыбнулся Влад. – Ничего страшного.

– Так ты здесь на время приезда Нурейтдинова? – осторожно уточнила Юля. – Пока не разберетесь с символом?

Влад снова пожал плечами.

– Не знаю. Мне сейчас сложно сосредоточиться на работе. Глаза болят от любого напряжения, от этого болит голова. Все врачи сходятся во мнении, что мне нужен отдых и период адаптации. – Невесело усмехнувшись, он добавил: – Забавно, правда? Сначала мне пришлось адаптироваться к слепоте, а теперь к тому, что ее больше нет.

– Думаю, к этому ты адаптируешься быстро. К хорошему быстро привыкаешь.

– А еще, по всей видимости, больше я не буду рисовать пророческие картинки. По крайней мере, так думают в ИИН. Они считают, что именно странное уплотнение давало мне эту... способность.

– Честно говоря, я искренне надеюсь, что эта твоя способность нам больше никогда не понадобится, – пробормотала Юля.

И, конечно, ошиблась.

Глава 2

14 мая, пятница

Г. Шелково

Ближе к шести вечера Диана вдруг осознала, что сегодня впервые так и не вытряхнула себя из пижамы и домашнего халата. Она, наверное, так этого и не заметила бы, если бы ей не написала Лерка. Подруга предлагала присоединиться к ней и еще парочке друзей, с которыми собиралась вечером потанцевать в клубе, но Диана отказалась. Она никуда не хотела идти и никого не желала видеть.

– Ди, так нельзя, – категорично заявила Лера, ради такого даже отказавшись от переписки и позвонив. – Сидя дома в одиночестве, ты себя точно с ума сведешь.

– У меня нет сил куда-либо идти, – буркнула Диана в трубку.

– Ладно, давай устроим домашнюю вечеринку, – тут же переориентировалась подруга. – Как смотришь на то, чтобы я завалилась к тебе после работы? Устроим приватный девичник с вкусняшками, винишком и марафоном каких-нибудь киношек до утра. М? Давай, Ди. Тебе надо выйти из этой долбаной комы!

Диана улыбнулась, вздохнула и согласилась.

– Только фильмы для марафона выбираю я!

Лера не стала спорить и заверила, что будет у нее к по-

ловине восьмого. Тогда-то Диана и осознала, что уже почти шесть, а она все еще слоняется по квартире в тонком халатике, накинутом поверх коротких шортиков и майки на бретельках, из которых и состояла ее пижама. Образ дополняли толстые шерстяные носки, неизвестно как проникшие в ее шкаф, и собранные в неаккуратный пучок волосы, уже дня три не мытые.

Потому что последние четыре она не выходила из квартиры. Уход за собой сократился до чистки зубов вечером – единственный ритуал, от которого она не смогла отказаться даже в своем текущем состоянии.

Добредя до ванной комнаты, Диана посмотрела на себя в зеркало и почувствовала неловкость. Это стало хорошим знаком. Ведь если ей все еще неловко за то, как она выглядит и как себя ведет, значит, не все потеряно. Значит, депрессия пока не проглотила ее.

«Да какая у тебя может быть депрессия? – сварливо возразил внутренний голос. Он звучал подозрительно похоже на голос матери. – Напридумывают себе всякого. Лень это просто. Лень и отсутствие реальных проблем».

Последние слова Диана даже проговорила вслух, слегка кривляясь перед зеркалом, словно кого-то передразнивала. Но с внутренним голосом поспорить не могла.

В сущности, что такого случилось? Одна за другой погибли две ее подруги из числа лучших? Ну так, подруги же, а не сестры. И если быть честной с самой собой, то не особен-

но близки они были, просто знали друг друга примерно всю жизнь. Но знали не так уж хорошо. Одна, например, за спиной Дианы крутила с ее парнем. Вторая ее парня, с которым она встречалась пять лет, даже никогда не видела.

Ах да, еще сам парень оказался маньяком-убийцей. Всех предыдущих любовниц он через год-два отношений убивал на Медвежьем озере, только Диане удалось продержаться целых пять лет, прежде чем ему снова сорвало крышу. И когда это случилось, Кирилл напал на нее и едва не зарезал. Ей просто повезло.

Серьезный кровоподтек, оставленный *бывшим* на лице, наконец полностью зажил. Забавно, но когда его почти невозможно было спрятать даже под тонной тонального крема, Диана регулярно выходила из дома. Она вообще неплохо держалась всю первую неделю после возвращения с озера. Продолжала следовать устоявшемуся расписанию: тренировки, прогулки, походы в собственный салон красоты на маникюр и педикюр. Когда ее вызвали к следователю, она даже сделала профессиональный визаж и укладку, попросив максимально скрыть последствия нападения.

Все эти дни Диана двигалась по инерции, держась за прежние привычки, и надеялась, что это поможет ей прорваться через сложный период, но заряда хватило ненадолго. Она видела, как люди реагируют на ее травмированное лицо, слышала, как они перешептываются за ее спиной. Те, кто не знал, что именно случилось, конечно, подозревали ба-

нальное домашнее насилие, и гадали, написала она заявление на «этого козла» или простила его, как «типичная овца».

Но сломало ее не это. За пять лет отношений с состоятельным мужчиной на восемнадцать лет старше Диана привыкла к шепоткам за спиной. Научилась игнорировать. Она приходила в хорошо знакомый тренажерный зал, затыкала уши музыкой, убирала волосы в высокий хвост и выкладывалась так, как привыкла. Иногда даже немножечко больше, потому что это помогало унять ноющую боль в груди и справиться с периодически охватывающей злостью. Диана старательно придерживалась обычной рутины домашнего и салонного ухода, даже купила несколько новых вещей, привычно планировала сбалансированный рацион, пока однажды ее не догнал вопрос: «Зачем?»

Диана хорошо помнила этот день, а точнее, вечер. Приняв душ после тренировки и сделав маску для волос, она стояла на кухне и нарезала овощи для салата. В духовке запекалась рыба, на планшете шел какой-то французский фильм, который она давно добавила в список «посмотреть позже», но в его сюжет так и не вникла. Диана стояла, резала и спрашивала себя: «Зачем?» Зачем продолжает делать все это? Ради кого старается?

Последние пять лет она старалась ради Кирилла: выглядела так, как он хотел, вела себя так, как он хотел, даже этот фильм посоветовал ей он, поэтому она и пометила его как «хочу посмотреть». Не хотела она. Терпеть не могла «се-

рьезное» европейское кино. Она любила детективные сериалы. Фильмы ужасов. Супергеройские франшизы на худой конец. Или что-нибудь зрелищное и эпичное. А иногда – забавное и про любовь.

Ради кого она мучится теперь? Поддерживает тонус мышц, морочится со скрабиками, масочками и кремиками? Ест опостылевшие овощи и рыбу, хотя хочет роллов и чизкейк? Зачем смотрит этот проклятый фильм, если ее бесит даже сама французская речь, слышная за переводом?

От накотившей вдруг злости Диана схватила стеклянную миску с уже порезанными овощами, с криком швырнула ее в стену и разрыдалась. Кажется, впервые за все это время.

Почти две недели она старалась не задумываться, не вспоминать, не спрашивать себя: «Что дальше?» Наверное, если бы ей нужно было ходить на работу, как большинству людей, думать о том, хватит ли теперь денег платить за съемную квартиру и содержать подаренную Кириллом Мазду, было бы проще, но она не работала и не испытывала недостатка в деньгах. Подаренный все тем же Кириллом салон красоты приносил стабильный доход, достаточный для того, кто умеет распоряжаться деньгами. При этом Диана вообще не вникала, как и что там работает. Оно просто работало и в ее участии не нуждалось.

Диана вообще больше никому и ни для чего не была нужна. С родителями отношения разладились уже давно. За эти дни никто из них даже не позвонил ей, хотя они не мог-

ли не знать о случившемся: маньяки в Шелково появлялись не так уж часто, а поскольку зацепило ее бывших одноклассниц, чьи-нибудь родители наверняка уже все им рассказали.

Друзей она последние пять лет держала на расстоянии. Все из-за того же Кирилла. Он требовал, чтобы их отношения оставались тайными, врал про жену, способную забрать у него жирный кусок бизнеса и собственности. Да и с учетом его часто внезапных визитов, к которым ей следовало всегда быть готовой, было трудно договариваться о других встречах. Вот друзья и привыкли к тому, что ее нет. И не особо скучали.

Диана варилась в собственном соку, не имея возможности даже просто с кем-то поговорить. Не знала, на что отвлечься. И не знала, чего теперь хочет и что ей нужно. Другой мужчина? А сможет ли она снова чувствовать такое восхищение и привязанность к кому-то? Сможет ли не подозревать ложь в каждом слове, не бояться, что ей опять попался маньяк?

Страх стал неотъемлемой частью ее новой жизни. Диана старалась не думать и об этом, но все равно боялась, что Кирилл вывернется, рано или поздно освободится и придет за ней. Она все чаще просыпалась с тревожно колотящимся сердцем: ей снилось, что это уже произошло. Время от времени Кирилл мерещился ей в толпе на другой стороне улицы, но потом становилось понятно, что это просто кто-то похожий. Воспоминания о случившемся на озере, о собственной беспомощности накатывали на нее, стоило только от-

влечься и позволить.

И, конечно, она боялась того, что так внезапно вошло в ее жизнь. Станные звуки в беспроводной колонке, кто-то неведомый, стучавший в ее дверь, записи на плеере, заставляющие лишать себя жизни, послания с того света, слепой экстрасенс, рисующий ее портрет... Не всему нашлось объяснение. И это пугало даже больше, чем любовник-маньяк.

Четыре дня назад, после истерики с битьем посуды и выбрасыванием в мусорное ведро не заслужившей такого обращения камбалы, Диана ни с того ни с сего проснулась посреди ночи. Наверное, снова что-то приснилось, но она не запомнила. Спать совершенно не хотелось, зато от съеденных на ночь роллов с соленой рыбой и соевым соусом адски хотелось пить, поэтому она выбралась из-под одеяла и вышла в коридор. Там было светло и совсем нестрашно: Диана больше не выключала на ночь свет в прихожей, он горел до самого утра. Как раз на такой вот случай, если ночью ей понадобится в туалет или на кухню. А ведь раньше она не могла уснуть, если где-то горел свет.

Проходя мимо входной двери, Диана вдруг остановилась, чувствуя, как кожа покрылась мурашками, а маленькие волоски на шее встали дыбом. Сердце вновь забилось быстрее, пальцы на руках мелко задрожали. Никто не стучал в дверь, не скребся о косяк и даже не дергал ручку, как в прошлый раз, но она вдруг отчетливо поняла: за дверью кто-то есть. Или *что-то*. Оно затаилось, прислушиваясь и принюхива-

ясь, может быть, даже заглядывая в ее квартиру через дырочку глазка.

А потом Диана вдруг обнаружила, что стоит у двери и тянет руку к замку. Как подошла и почему решила открыть его, она не помнила, и это напугало больше всего.

Диана не знала, как долго простояла там, парализованная накатившим ужасом, но босые ноги успели заledenеть. Все это время она не могла ни уйти, ни подойти ближе, чтобы посмотреть в глазок.

Через какое-то время все-таки очнулась, сбросила с себя оцепенение, даже осторожно прильнула к глазку, но на лестничной площадке ожидаемо никого не оказалось.

Это не успокоило. К тому моменту, когда способность двигаться вернулась, Диана и сама почувствовала, что за дверью никого нет. То, что приходило, уже ушло. Но что будет, если оно вернется? И что будет, если в следующий раз она все-таки откроет дверь?

Именно с той ночи Диана перестала выходить из дома. До утра не могла уснуть, а когда за окном рассвело, провалилась в долгий глубокий сон без сновидений, после которого жутко болела голова. Вернуться в режим и заставить себя куда-то пойти, хотя бы на привычную тренировку, она пока так и не смогла. Слонялась по квартире, смотрела в телевизор, где эпизод за эпизодом шел какой-то бесконечно длинный сериал из тех, что она любила, одновременно сидела в телефоне, листая соцсети и читая дурацкие истории. Питалась

запасами из холодильника и кухонных шкафов, новое не заказывала: не хотела открывать дверь даже курьерам, а доставку через окно еще не изобрели.

Интересно, если бы Лера не написала, сколько бы она так просидела? Пока не кончились бы продукты?

– Ты отвратительна, – заявила Диана собственному отражению. Намеренно вслух и довольно громко. – Слабая, ленивая, трусливая задница – вот ты кто, Диана Стрелецкая. Ты правда хочешь такой быть?

Возможно, разговор на повышенных тонах с собственным отражением – не самый безобидный симптом, но это подействовало. Отражение выразительно помотало головой, а потом улыбнулось. Вышло коряво и неубедительно, но надо же с чего-то начинать.

Приводила себя в порядок Диана по полной программе. Приняла душ, четверть часа полежала с маской, волосы не просто высушила, а даже попыталась уложить, как умела. Немного подумала и сделала макияж, как будто собиралась все же в клуб, а не сидеть дома с подругой, и даже оделась как на выход.

Когда Лера позвонила в дверь, в комнате на столике перед телевизором уже дожидались коробка с пиццей, бутылка вина и миска с попкорном.

– Ого, я-то думала, ты тут сидишь и сопли на кулак наматываешь, а ты сияешь как звезда, – одобрительно и даже немного завистливо протянула Лерка, увидев Диану.

Это показалось лучшим комплиментом из всех, что она слышала в своей жизни. Одобрила подруга и подготовку к киномарафону.

– Я, правда, думала, что у тебя тут опять будут ягоды, оливки и помидорки, поэтому тоже подготовилась, – добавила она, доставая из пакета упаковки с чипсами, таралли и сухариками и колбасную нарезку. Оказалась при ней и еще одна бутылка вина. – Что будем смотреть?

– «Крик», – безапелляционно заявила Диана, беря в руки пульт. – Все части.

– Ты серьезно? – Лера удивленно приподняла брови.

– А чем плохо? Это нестареющая классика.

– После всего, что случилось, ты хочешь смотреть фильмы про маньяка, который резал ножом девчонок?

– Призрак резал не только девчонок, но и парней. К тому же это не один маньяк, их было несколько.

– Чем это лучше? А впрочем, ладно, мне все равно. Но мы будем пить каждый раз, когда кто-нибудь заорет.

– И когда будет звонить телефон, – со смешком добавила Диана.

– И когда кто-нибудь скажет: «Сейчас вернусь», – подхватила Лера.

Так они накидали весьма длинный список, который гарантировал, что уже к середине второй части обе бутылки опустеют, но сегодня Диана не была против. Напиться дома в компании подруги – может быть, именно это ей нужно бы-

ло сделать с самого начала?

Однако к концу второго фильма они решили, что кино-марафон – это все-таки очень скучно, а пятницы созданы для тусовок в клубе.

Глава 3

14 мая, пятница

Медвежье озеро

Выпив с ним кофе и обсудив ближайшие планы, Юля убежала решать какой-то срочный вопрос, а Влад остался предоставлен сам себе. Это было приятное и почти забытое чувство, к которому он пока не мог привыкнуть, – ощущение абсолютной самостоятельности.

Разобрав чемодан и устроив вещи в шкафу, он переоделся в более удобные джинсы, пуловер и кроссовки и отправился на прогулку. Игоря с собой не взял, велел ему пока отдохнуть. Водитель-телохранитель лишь неодобрительно посмотрел в ответ, но спорить не стал. Он не любил тратить лишние слова и, должно быть, как никто радовался тому, что на босса теперь можно просто выразительно смотреть.

Владу было интересно идти по берегу Медвежьего озера и глазеть по сторонам сквозь темные стекла очков. Недавно он уже ходил здесь, но тогда воспринимал это место совсем по-другому. Со слов Юли знал, что озеро почти круглое, что на берегу есть пляж и площадка для загара, куда скоро привезут шезлонги. Был на пристани и даже имел возможность прокатиться на моторной лодке на противоположный берег. Его водили по тропинке к качелям-скамейкам, на одной из которых несколько недель назад убили помощ-

ницу Юли. Тогда Влад чувствовал запах воды, земли и трав, слышал щебетание птиц и шелест листьев, но представить себе не мог, как много здесь всего и насколько это красиво. Даже сквозь темные стекла очков.

Он прошел по дорожке через всю приведенную в порядок часть берега, но не остановился, когда облагороженная территория закончилась, хотя дальше идти стало труднее. Слепым и с тростью он в одиночку точно не рискнул бы прорываться сквозь заросли по тропинкам, которые время от времени терялись в траве, но теперь вполне мог себе это позволить.

Довольно быстро Влад добрался до заброшенных, частично разрушенных, частично сгоревших домов, где давно никто не жил, даже бродяги. Задерживаться здесь тоже не стал: его целью было кладбище, расположенное дальше.

Найти его удалось не сразу. Движения загадочных силуэтов – вероятно, заблудившихся на этом свете душ похороненных здесь людей, – он теперь не видел, а заросшие могилы с поваленными крестами и полуразрушенными надгробиями было не так-то легко найти взглядом. Здесь деревья росли плотнее, их кроны смыкались высоко над головой человека, поэтому света было меньше, а очки Влад решил снять не сразу. Несмотря на густую тень, глазам все равно стало неприятно, появилась слабая резь, но это было вполне терпимо.

Зато теперь он видел лучше и быстрее нашел нужную мо-

гилу. Для этого пришлось поглубже зайти в лес, но заблудиться Влад не боялся: отсюда все еще просматривался берег озера.

Присев у могилы, которую не так давно раскапывали, чтобы вытащить когда-то спрятанное в ней тело, он осторожно коснулся пальцами символа, начерченного на оборотной стороне сравнительно неплохо сохранившегося надгробия.

Две дуги, расположенные одна под другой. Верхняя выгибается вниз, нижняя – вверх. Вертикальная линия пересекает обе дуги по центру, а ее в свою очередь по центру под прямым углом пересекает более короткая. Все как Юля описывала, примерно так он себе это и представлял, но все равно хотел увидеть. Зачем? Влад и сам не знал. Он лишь понимал, что этот символ как-то связан с его загадочным исчезновением из номера посреди ночи и необъяснимым прозрением.

Ему нужно узнать, что произошло тогда. Куда и почему он ушел? Или кто-то его забрал? Как? Зачем? Что за символ нарисовали у него на лбу и для чего? Связано ли это с исчезновением уплотнения в мозге?

А главное – может ли оно вернуться?

Большинство пройденных им врачей сошлись во мнении, что светобоязнь, которая никак не унималась, вызвана страхом. Якобы он боится «пользоваться глазами», как выразился один из них, боится, что снова ослепнет. И Влад не мог отрицать, что такой страх у него есть, но причина повышенной чувствительности должна быть в чем-то другом.

В окружающей его благостной тишине леса, нарушаемой лишь шумом ветра в листве и пением какой-то птицы, внезапно появились посторонние звуки. Треск веток и шорох, как если бы кто-то прорывался сквозь заросли кустов. У Влада все еще оставался весьма чувствительный слух, что было одной из причин участвовавших головных болей: зрение вернулось, но остальные органы чувств продолжали работать так, чтобы компенсировать его отсутствие, и все вместе это перегружало нервную систему.

Сейчас новые звуки заставили его встрепетаться, выпрямиться и оглянуться по сторонам в поисках их источника. Владу показалось, что он увидел, как кто-то торопливо уходит прочь, снова прячась в зарослях. Треск веток и шуршание тоже принялись удаляться.

– Эй, кто здесь? – окликнул Влад, идя на звук и зачем-то пытаясь догнать неизвестного.

Однако тот двигался весьма проворно, а Влад отчего-то не решился лезть в гущу зарослей. Пока он искал возможность обойти их, звуки смолкли. Влад замер на месте и прислушался, снова внимательно всматриваясь в заросли, но не заметил ни одной подозрительно дрогнувшей веточки.

– Дяденька! – вдруг услышал он позади себя детский голос. – Дяденька, я потерялась.

Влад повернулся и обнаружил среди деревьев маленькую девочку. Лет шести-семи, не больше. Она стояла довольно далеко, частично скрытая высокой травой, низкими ветками

деревьев и каким-то кустом. Но девочка определенно смотрела на него и обращалась к нему.

– Помогите мне вернуться домой, пожалуйста, – очень вежливо попросила она.

Обескураженный такой внезапной встречей, Влад лишь молча шагнул к девочке, но не успел пройти и трех метров, как со стороны озера послышалось громкое и какое-то тревожное карканье. Вздвогнув, он повернул голову и обнаружил огромную черную ворону, сидящую на могильном камне. Та смотрела на него круглым глазом, как будто предостерегала от чего-то.

«Нет, не ворона, – подумалось ему. – Они не бывают полностью черными. Ворон, должно быть. Здесь они водятся?»

Птица тем временем вспорхнула и унеслась прочь, а Влад снова повернулся к девочке, но той на месте уже не оказалось.

– Эй, ты где? Девочка? Где ты? Вернись, я помогу тебе!

Но сколько он ни ходил между деревьями и ни звал, ребенок не нашел. Зато глаза от напряжения разболелись так, что пришлось их закрыть и постоять пару минут, прежде чем открыть снова.

Лес был тих и пуст. Даже певшая где-то птица смолкла.

– Бред какой-то, – пробормотал Влад.

Или просто чья-то шутка?

Так и не найдя девочку, он вернулся в гостиницу. Юлия освободилась еще через час, но успела лишь пообедать с ним

в единственном ресторане гостиницы, после чего поцеловала в щеку, велела не скучать и снова куда-то убежала.

Влад только удивленно посмотрел ей вслед. Вот, значит, каково это. Прежде он был постоянно чем-то занят, а теперь они, очевидно, поменялись ролями. Влад был вынужден признать, что ему эта новая роль не очень-то нравится, зато она заставляла о многом задуматься.

* * *

После очередного дня, полного забот и беготни, Юлия с ног валилась, но сегодня не могла позволить себе быстро поужинать, умыться и заползти под одеяло, как это происходило в последнее время. Нет, она все равно была безумно рада приезду Влада, но перед сном неожиданно ощутила из-за его присутствия смутную тревогу, подкраившуюся совершенно незаметно.

Юлия даже не сразу почувствовала неладное. Ополоснулась в душе, как обычно, надела ночную рубашку, смыла макияж, нанесла крем, распустила скотые на затылке волосы и принялась их расчесывать, хотя обычно вечером этого не делала – ленилась. К утру все равно спутаются. Владу тоже было все равно, как они лежат, поэтому Юлия себя не утруждала.

Но сегодня рука сама потянулась к расческе. А после, когда рыжевато-каштановые пряди мягкой волной легли

на плечи, она принялась рассматривать себя в зеркало, пытаясь отойти подальше, чтобы увидеть побольше. Как сидит на ней эта ночнушка? Не стоило ли сегодня выбрать что-то более соблазнительное? Все-таки теперь у нее зрячий муж, как у всех...

«Прекрати! – мысленно велела себе Юля, усилием воли переставая крутиться перед зеркалом. – Это просто смешно!»

Это действительно было смешно и глупо, и она это понимала, но никак не могла отделать от легкого волнения. Сразу после того, как Влад прозрел, Юля не думала о таких вещах, была слишком счастлива и вместе с тем сбита с толку. Теперь же, когда первый шок и восторг улеглись, подняли голову старые страхи. За последние годы Юля стала гораздо увереннее в себе, чему способствовали и стажировки в Испании, где мужчины часто смотрели на нее с восхищением, и возможность выбирать более дорогую одежду, которая почему-то сидела куда лучше, чем та, что она носила раньше, но червячки сомнения ее иногда еще грызли.

Обычно это происходило, когда в ее поле зрения попадали по-настоящему красивые женщины. Или те, кого она таковыми считала. Сегодня «триггером» стала Лилия Нурейтинова, жена приехавшего на выходные эксперта по сверхъестественному. Ей наверняка было уже хорошо за тридцать, вероятно, даже ближе к сорока, но она выглядела просто восхитительно. Настолько, что в свои двадцать шесть Юля ис-

крenne позавидовала. Стройная, подтянутая блондинка с зелеными глазами, Нурейтдинова не шла, а буквально плыла. Спящую дочь нес на руках ее муж, объемный чемодан достал и катил Игорь, которого Влад отправил на вокзал встретить гостей, а она сама держала в руках только маленькую сумочку. Юля до сих пор не умела ходить с такой, ей все время не хватало места, а Нурейтдиновой хватало.

Было странно, что такая красотка выбрала в мужья человека, на первый взгляд, ничем не примечательного, к тому же по меньшей мере на двадцать лет ее старше. Но, видимо, в Нурейтдинове все-таки было что-то, показавшееся ей достаточно привлекательным.

– Так, хватит, – пробормотала Юля вслух, заставляя себя выкинуть из головы идеальный образ и отвернуться от зеркала.

И все же, выходя из ванной, она пожалела, что не взяла из шкафа большой махровый халат, в который можно было полностью завернуться.

Влад сидел за письменным столом, хотя Юля ожидала увидеть его в кровати. Перед ним стоял ноутбук, экран которого не горел. Сам Влад зажмурился и то поглаживал пальцами переносицу, то растирал ими лоб. Висящий на стене телевизор тихо бормотал что-то голосами политиков, собравшихся для обсуждения чего-то наверняка очень важного.

Юля подошла к столу, положила руки Владу на плечи и поцеловала его в макушку.

– Что-то очень важное? – мягко поинтересовалась она.

– Да нет, – не стал врать муж. – Просто решил посмотреть почту. Я попросил ставить меня в копию всех важных переписок, чтобы оставаться в курсе дел. И на случай, если вдруг понадобится моя помощь.

– Влад, твой отец руководит компанией много лет. Ничего не развалится, если ты на пару месяцев возьмешь отпуск. Дай себе время.

Она наклонилась ниже, обнимая его за шею и прижимаясь щекой к щеке. Почувствовала, как муж улыбнулся, накрывая ее руки своими и легонько поглаживая их.

– Я понимаю, но чувствую себя странно, когда ничего не делаю. Уже не помню, как мне удавалось это тогда... Что вообще люди делают, когда не работают?

– Гуляют, читают, смотрят телек... – Юля пожала плечами и вдруг рассмеялась. – По крайней мере, так я слышала.

– Ну, телек и чтение мне тоже не подходят, остаются прогулки.

– Еще у нас есть фитнес-зал на втором этаже. И бильярд.

– Звучит заманчиво.

– А еще заманчивее звучит сон.

– С этим вообще сложно поспорить, – хмыкнул Влад, поднимаясь и направляясь к кровати. По пути он стянул с себя футболку, снял джинсы и наконец забрался под одеяло.

«И ни разу не взглянул на меня», – пронеслось у Юли в голове.

Она отогнала эту мысль, гася верхний свет и тоже забираясь под одеяло. Прильнула к мужу, поцеловала его в щеку, потом чуть более выразительно – в шею, скользнула ладонью по груди.

– Ты хоть скучал по мне? – поинтересовалась она тихо.

– Безумно, – искренне, как ей показалось, ответил Влад. И тут же добавил: – Но я смертельно устал в поездке, прости.

Он быстро поцеловал ее в губы, пожелал спокойной ночи, погасил лампу со своей стороны кровати и закрыл глаза, устраивая голову на подушке.

– Спокойной ночи, – эхом отозвалась Юля, выключая свою лампу и тоже укладываясь.

Червячки сомнений моментально ожили и закопошились, но она не дала им шанса начать грызть себе мозг, почти мгновенно провалившись в сон. Юля и сама устала.

* * *

Медвежье озеро

Сентябрь 2004 года

День выдался неудачным: Павел Петрович бродил по лесу уже добрых два часа, устал, а объемная корзина для грибов оставалась почти пустой, удалось только слегка прикрыть дно. К тому же то и дело начинал сыпать мелкий дождь, что еще больше портило настроение. Ему, но не его спутнику: жизнерадостный Джек, помесь лабрадора неизвестно с кем,

носился по лесу, то убегая далеко вперед, то значительно отставая, постоянно что-то вынюхивал, метил деревья и время от времени громко гавкал, изо всех сил размахивая хвостом.

«Еще полчаса – и домой», – решил Павел Петрович. Уже во второй раз.

Не прошло и десяти минут, как он вышел на поляну, посреди которой стояла открытая и, по всей видимости, пустая палатка. Любопытный Джек моментально сунул в нее нос. Перед палаткой темнело черными влажными углями кострище. Павел Петрович простер над ним руку: ни намека на тепло, огонь здесь погас давно. Как минимум накануне вечером.

– Ну что, никого? – озадаченно поинтересовался Павел Петрович у вылезшего из палатки Джека. Тот в ответ только печально посмотрел на него. – Странно как-то. Может, случилось чего? Как думаешь, найдешь хозяев палатки?

Джек завилял хвостом и принялся бегать кругами, нюхая землю, потом залаял и ломанулся через кусты.

– Ишь, приткий какой, – хмыкнул Павел Петрович, но следом пошел. – Подожди меня, не убегай! Эй, есть здесь кто?

Никто не ответил, но отчего-то стало очень не по себе.

«Может, ну его? Лучше пойти своей дорогой?»

Но мысль о том, что кому-то, вероятно, нужна помощь заставляла продолжать поиски.

Вскоре Джек снова залаял, давая понять, что что-то нашел. Однако это оказались не люди. Пес стоял над какой-то

тряпкой, а едва Павел Петрович появился, заскулил, кинулся к его ногам и прижался, мелко дрожа.

– Ну и что это такое? – пробормотал Павел Петрович, опускаясь на корточки рядом с находкой и тыкая ее первой подвернувшейся палкой. Не хотелось брать грязное в руки.

Через секунду он отшатнулся от тряпки, поскольку та оказалась пропитана не грязью, а успевшей потемнеть кровью.

Рядом снова тоскливо заскулил Джек и вдруг залаял на росшие впереди кусты.

– Что там? – напряженно поинтересовался Павел Петрович, но Джек, конечно, не смог объяснить.

Но то, что его добрейшей души пес скалит зубы и захлебывается лаем, уже говорило о многом, поэтому Павел Петрович вытащил из висящей через плечо сумки маленький топорик и снял с лезвия чехол.

Неужели на каких-то бедолаг напал дикий зверь? Уж сколько он ходит сюда за грибами, а никогда никого не встречал. Он и топорик-то берет на случай неприятностей с бродячими собаками – отпугивать их от Джека. Про волков или каких-нибудь кабанов здесь никогда не слышал.

– Спокойно, дружок, – тихо велел Павел Петрович псу. – Давай посмотрим, что там.

Перехватив топорик поудобнее и не выпуская из руки корзину, он продрался через кусты и вышел на еще одну поляну. Та была пуста, но Джек, без особого энтузиазма следовавший за ним, перестал лаять и принялся снова жалобно

скулить.

– Ну и что здесь такого?

Словно в ответ над его головой захлопали крыльями и разом загалдели по меньшей мере пара десятков ворон. Павел Петрович поднял голову, ища птиц взглядом, но уперся им в другое. Страшное зрелище заставило его уронить корзину и попятиться. Он побежал бы прочь, если бы мог, но его словно чем-то сковало, ему едва удавалось переставлять ноги.

– Дяденька! – звонкий девичий голос, раздавшийся за спиной, заставил его вздрогнуть и резко обернуться. В двух шагах от него обнаружилась маленькая девочка в перепачканной курточке и с растрепавшимися косичками на голове. – Дяденька, я потерялась. Помогите мне вернуться домой, пожалуйста...

Глава 4

15 мая, суббота

г. Шелково

Подъем из глубин сна еще никогда не был для Дианы столь мучителен. Это утро определенно обещало пройти под лозунгом: «Лучше бы я умер вчера». Просыпаться не хотелось вообще, организм просто не был к этому готов, но во рту так пересохло, что она уже не могла сглотнуть, а голова раскалывалась надвое, и игнорировать это было все труднее.

Потом сознание прояснилось достаточно, чтобы Диана смогла сообразить: что-то не так. Она почему-то спала на диване и совершенно точно не на том, что стоит в ее гостиной. На нем ей доводилось засыпать, поэтому она знала, каково там просыпаться, а сейчас все ощущалось иначе. И подушка под головой не была похожа на ее подушки, и немного колючий плед казался совершенно чужим.

Как бы ни было трудно, Диана разлепила веки, и тогда сознание прояснилось окончательно. Насколько оно могло проясниться после чрезмерно бурной ночи. Сердце испуганно заколотилось, когда она поняла, что находится не у себя дома, а в совершенно незнакомой квартире. К тому же под одеялом лежит без штанов и точно не в блузке, в которой отправлялась в клуб с Леркой. Из одежды на ней была только чужая футболка, судя по размеру, скорее, мужская.

К счастью, под футболкой все же обнаружилось белье, что несколько успокаивало.

Диана потеряла слипающиеся глаза и заставила себя сесть. Осмотрелась. Диван, на котором она проснулась, стоял в небольшой комнате с одним окном, сейчас закрытым весьма плотными шторами: кто-то позаботился о том, чтобы утром ее хотя бы не тревожил яркий солнечный свет. Кроме дивана, здесь еще стояли шкаф, одну половину которого занимала посуда – разнокалиберные бокалы и рюмки, а вторую – книги, невысокий стеллаж с телевизором, кофейный столик и кресло. Мебель была не новая, но в комнате – довольно чисто, никакого постороннего хлама нигде не валялось. Разве что немного пыли лежало на горизонтальных поверхностях. Между креслом и окном Диана обнаружила сушилку для вещей, где висели только ее джинсы и блузка.

Дверь в комнату была закрыта, но сквозь нее все равно доносилось тихое бормотание телевизора и редкие, сложно определимые звуки. Кроме нее, в квартире определенно кто-то был, но этот кто-то старался не шуметь.

Диана попыталась вспомнить, где находится и как сюда попала. Чем закончился прошлый вечер? Но в голове лишь клубился туман, из которого выплывали редкие обрывки воспоминаний. Вот они с Леркой дома, смотрят кино, едят всякую ерунду и пьют вино. Много вина. Потом почему-то вдруг едут в такси. Танцуют в клубе. Рядом знакомые ребята. Вот они все вместе снова пьют, на этот раз, кажется, ка-

кие-то коктейли... А дальше все и вовсе становится сумбурно, после чего обрывается.

Так что случилось? Она уехала с кем-то из ребят? Точно не с Леркой, ее квартиру Диана знает. Как и квартиры других друзей. Стало быть, либо здесь живет кто-то из неблизких приятелей, либо вовсе случайный знакомый.

Во всей этой унижительной и крайне тревожной ситуации радовало только то, что она проснулась одна на диване, а не в чьей-то постели. И вообще, судя по всему, ничего такого с ней не случилось. Только мучает самое ужасное в ее жизни похмелье.

Как бы ни хотелось Диане сейчас провалиться сквозь землю или чудесным образом оказаться дома, пришлось выбраться из-под пледа. Прежде всего, она добрела до сушилки, сняла с нее джинсы. Те выглядели слегка помято, но вполне прилично, а вот блузку пришлось оставить на перекладине: ей требовался уют. Да и одолженная кем-то футболка ее прекрасно заменяла, а вот разгуливать по чужому дому без штанов Диана точно не собиралась.

Ее сумки нигде не было видно, да и зеркала в комнате не наблюдалось, что, вероятно, было только к лучшему. Она и так знала, что выглядит паршиво, лишних подтверждений не требовалось, а волосы можно и руками пригладить.

Сделав глубокий вдох, Диана медленно выпустила воздух и решительно открыла дверь. Рано или поздно из комнаты все равно придется выйти, так что лучше сделать это порань-

ше и найти воды и таблетку от головной боли, а лучше сразу – от тяжелого похмелья.

В незнакомой квартире имелась еще одна комната, но в ней было тихо, и туда Диана не стала заглядывать, отправилась сразу на кухню, откуда доносилось бормотание телевизора. Судя по всему, шли утренние новости.

Она понятия не имела, кого ожидает увидеть, но сидящий за столом мужчина все равно несказанно ее удивил. Во-первых, он совершенно не походил на завсегдатая молодежного ночного клуба, ему было слегка за сорок. А во-вторых, она его знала.

– Вячеслав Витальевич? – прохрипела Диана, щурясь от яркого солнечного света, беспрепятственно лившегося в окно кухни. – Вы здесь откуда?

Майор Карпатский, с которым она познакомилась в прошлом месяце, когда убили ее подругу, поднял взгляд от телефона и криво усмехнулся.

– Вообще-то, я здесь живу. Проходите, Диана Анатольевна, садитесь. Как вы себя чувствуете?

– Весьма паршиво, спасибо, что спросили, – призналась она, медленно подходя к столу и осторожно присаживаясь на табурет.

Резкие движения старалась не совершать: голова и так угрожала лопнуть в любой момент, а теперь ей стало еще хуже. Мозг отказывался обрабатывать поступившую в него информацию. Одно дело проснуться неизвестно в чьей кварти-

ре, познакомившись с кем-то в клубе. Другое – проснуться в квартире полицейского, который вряд ли проводит вечера в подобном месте.

– И как я оказалась у вас дома? – осторожно поинтересовалась Диана, слегка хмурясь. Шансов сообразить или хотя бы вспомнить самой у нее все равно не было.

– Это довольно забавная история, – хмыкнул Карпатский. Впрочем, по его тону трудно было поверить, что ему действительно забавно: голос звучал устало. – Прежде всего, судьбе было угодно свести нас в ночном клубе...

– Вы тусите в «Эйфории»? – удивленно перебила Диана, подпирая голову рукой.

– Иногда. Когда у наркоотдела там рейды и они просят подсобить. Людей не хватает.

Карпатский, видимо, наконец сообразил, что ее мучает жажда, поэтому встал, достал из навесного шкафчика стакан и налил в него воды из-под крана фильтра. Диана жадно сделала несколько больших глотков, пытаясь вспомнить хоть что-то. Не могла же она не заметить движухи? В «Эйфории» такое случалось, все знают, что там толкают «дурь». Но сама Диана всегда держалась в стороне от таких вещей, поэтому никогда не попадала в неприятности, даже если ей доводилось оказаться в клубе в подобный вечер.

– В общем, я нашел вас в туалете, в кабинке. По всей видимости, вам стало плохо, а потом вы и вовсе отключились, сидя на полу.

– О боже... – чуть ли не простонала Диана, закрывая лицо рукой. Смутное воспоминание о том, как ее затошнило во время танца и она побежала в туалет, всплыло в туманном сознании. – Но, постойте... Вы что, увидели на полу перепившую девчонку и забрали к себе домой?

– А что я должен был сделать? – он вопросительно приподнял брови. – Оставить вас там? Вы были в полной бессознательности. С вами могло случиться что угодно. Вас могли ограбить, например. Или изнасиловать. Это, кстати, был мужской туалет. Или еще хуже: вы могли захлебнуться рвотными массами.

Диана отставила в сторону опустевший стакан и для верности закрыла лицо еще и второй рукой.

– Адреса вашего я не знаю. Сомневаюсь, что вы проживаете по указанному в паспорте. Не в отделение же было вас везти. Вас и здесь-то еще полночи полоскало. Поэтому пришлось снять с вас джинсы и блузку. Чтобы постирать.

– Какой кошмар... – сдавленно пробормотала Диана, не отнимая ладоней от лица. – Простите...

Последнее прозвучало как-то особенно глупо и беспомощно, поэтому она замолчала.

– Не стоит извиняться. В конце концов, вы мне не навязывались, я сам решил вас забрать.

– Я просто не знаю, что еще сказать, – тихо призналась Диана.

– «Спасибо» будет вполне достаточно.

Она отняла руки от лица и заставила себя посмотреть ему в глаза.

– Спасибо, – произнесла с чувством. – Если у вас есть что-нибудь от похмелья, буду вдвойне благодарна и обещаю через пять минут убратъся отсюда и больше не портить ваш выходной.

Карпатский улыбнулся и развел руками.

– Не держу такого. Могу предложить только аспирин. Но сначала вам надо поесть. У вас в желудке совершенно пусто.

Он снова встал из-за стола и полез в навесной шкафчик – на этот раз другой.

– Да ничего мне не будет, – отмахнулась Диана, мечтая поскорее заглушить хотя бы головную боль. – На еду я сейчас и смотреть не смогу.

Ее мутило даже от запаха кофе, витавшего в кухне.

– И все же... Я сделаю вам кашу и сладкий чай.

– Я не пью сладкий чай...

– Догадываюсь, – хмыкнул Карпатский, уже включив чайник и поставив на плиту сотейник. – Но сегодня придется себя пересилить. Когда перебираешь с алкоголем, глюкоза очень кстати.

– То есть вы так боретесь с похмельем? – не удержалась она. – Сладким чаем?

– Нет, с похмельем мне не приходится бороться, – не поворачиваясь, отозвался он.

– Всегда знаете свою норму?

– Нет, просто не пью.

– Вообще?

– Вообще.

Диана чуть прищурилась и неожиданно для самой себя брякнула:

– Вы что, алкоголик?

Карпатский рассмеялся и все-таки полуобернулся, с интересом разглядывая ее. Хотя смотреть на нее этим утром едва ли было приятно.

– Почему сразу алкоголик?

– Обычно совсем не пьют те, кто знает, что не сможет остановиться.

– Нет, я не алкоголик, – заверил он, возвращая свое внимание к приготовлению каши. – Просто алкоголь давно не доставляет мне удовольствия, вот я и перестал его употреблять.

– Вообще-то, я тоже почти не пью, – поспешила сообщить Диана, чтобы как-то исправить впечатление о себе. – То есть... Я, конечно, могу выпить бокал вина или шампанского. Или парочку, если повод есть. Но я никогда в жизни не напивалась до провалов в памяти... Не знаю, что на меня вчера нашло.

– Да ладно, не оправдывайтесь. С кем не бывает? Я ведь тоже был молодым. И тогда всякое случалось.

– Да вы и сейчас не старый...

– Это смотря с кем сравнивать.

– Ну... Например, вы всего на год старше моего прежнего бойфренда, – мрачно пробормотала Диана. – Того, который оказался маньяком. Помните?

– Помню, – сдержанно отозвался Карпатский.

И поставил перед ней тарелку с весьма жидкой овсянкой. А потом и чашку чая, в которой предварительно разболтал пару ложек сахара. Прежде чем сесть на прежнее место, налил себе еще кофе из капельной кофеварки, и только тогда добавил:

– С другой стороны, моей дочери сейчас было бы почти столько же, сколько и вам. Года на два меньше.

Диана, уже зачерпнувшая ложку каши, опустила ее обратно в тарелку, настороженно глядя на него. Сама бы она никогда не стала поднимать тему его дочери, которая, как она знала, погибла лет десять назад – утонула в Медвежьем озере. Но раз он сам затронул ее, проигнорировать казалось невежливым.

– Как ее звали? – тихо поинтересовалась Диана, вместо каши поднося ко рту чашку чая.

Тот был не очень горячим и приятно сладким. Вероятно, ее организм действительно нуждался в глюкозе.

– Геля, – бесцветным голосом отозвался Карпатский, внимательно разглядывая чашку с кофе. – Это Ангелина. Ангел, как бы. Не моя идея, жена придумала. Я бы назвал Машей.

– А ваша жена?.. – опасно произнесла Диана, встрепе-

нувшись и с тревогой повернувшись к дверному проему, хотя было совершенно понятно, что в квартире они одни.

– Не волнуйтесь, я в разводе уже почти десять лет. Так что здесь никого, кроме нас, и некрасивая сцена вам не грозит. Да и вообще... У вас ровно столько же прав быть здесь, как и у любой другой женщины.

Это ее действительно успокоило, и она заставила себя все-таки попробовать кашу. Та тоже оказалась сладковатой, но в меру, есть ее было приятно. Головная боль немного отступила даже без лекарств.

– Вы, наверное, рано женились? – зачем-то спросила Диана. Должно быть, просто чтобы поддержать беседу.

– По нынешним меркам, очень рано, – кивнул Карпатский, делая глоток кофе. – Но и тогда это произошло значительно раньше, чем я надеялся. Геля... получилась несколько вне плана. Многие говорили нам тогда, что эту *проблему* решать надо иначе, а мы взяли и поженились. И даже не развелись через два года, как некоторые прочили. Мы бы и не развелись, если бы не...

Он осекся и снова поднес к губам чашку, но, как показалось Диане, только чтобы закрыться ею, а не потому, что хотел еще кофе.

– Мне очень жаль, – пробормотала Диана неловко, не зная, что еще сказать на это.

– Вы уже говорили, – немного резко отозвался Карпатский, но в то же время кивнул, принимая ее соболезнования.

– Вы общаетесь?

– Почти нет. Она после развода вернулась в Одинцово, я остался здесь. Через год она снова вышла замуж, через два родила ребенка, еще через два – второго. Так что у нее все хорошо.

– Каждый по-своему справляется с потерей, – осторожно заметила Диана. – Наверное, так ей было легче?

– Наверняка, – он улыбнулся. – Вы не думайте, я не в обиде. Я рад, что у нее все хорошо. Что она справилась.

И тут бы Диане промолчать или хотя бы сменить тему, но она не удержалась от вопроса:

– А вы?

Карпатский какое-то время только молча смотрел на нее, даже показалось, что он видит что-то свое, но потом он наконец кивнул.

– По-своему. Вы как? Лучше стало?

– Да, спасибо, – ей даже удалось выдавить из себя улыбку. – Вы вкусно готовите.

– Пришлось научиться, – хмыкнул он, снова вставая, на этот раз чтобы дать ей обещанную ранее таблетку аспирина. – Еще вопросы о моей скромной персоне есть?

Диана смутилась и отрицательно качнула головой.

– Только один: дадите утюг? Моя блузка ужасно помялась, в такой на улицу не выйти. Я бы быстро погладила ее...

– Конечно, дам. А потом отвезу вас домой.

Она хотела возразить, что это уже лишнее беспокойство,

но полицейский не дал ей шанса, выйдя из кухни и оставив наедине с растворяющейся в стакане таблеткой.

Быстро ретироваться не удалось. Сначала пришлось смыть остатки размазавшегося макияжа, потом все-таки погладить блузку. Когда она наконец была готова идти, Карпатский действительно вышел вместе с ней и даже повел к своей машине, но по пути у него зазвонил мобильный. С кем-то коротко переговорив, он слегка поморщился и виновато посмотрел на Диану.

– Что-то случилось, да? – догадалась она по обрывкам фраз.

– Да, меня ждут. И это срочно.

– Ничего страшного, я вызову такси. Вы и так потратили на меня слишком много времени.

Диана все же проводила его до машины – черного Ниссана, знавшего в этой жизни лучшие времена, и только когда Карпатский открыл дверцу, чтобы сесть на водительское место, поинтересовалась:

– А я разве не оставляла свой фактический адрес, когда вы записывали мои показания в прошлом месяце?

Он сделал вид, что задумался, но уголки его губ предательски подрагивали.

– Правда? Действительно. Совсем забыл про это. Берегите себя, Диана. И не делайте глупостей. Как бы иногда ни хотелось.

Карпатский захлопнул дверцу, и вскоре его машина вы-

ехала из двора, а Диана поймала себя на том, что смотрит ей
вслед и улыбается.

Глава 5

15 мая, суббота

Медвежье озеро

Влад проснулся рано, даже раньше Юли. Кажется, ему снилось что-то крайне неприятное, но в момент пробуждения он сразу забыл сюжет сна, осталось только мерзкое послевкусие и чувство облегчения от его прекращения.

За окном уже ярко светило солнце, поэтому уснуть снова совершенно не хотелось. А может быть, он просто подсознательно боялся продолжения кошмара. Стараясь не разбудить жену, Влад осторожно выбрался из-под одеяла и побрел в ванную комнату. Контрастный душ помог прояснить сознание и придал бодрости, поэтому к бритью он приступил в куда лучшем расположении духа.

Правда, как и во все дни с момента внезапного прозрения, Влад на несколько секунд застыл, глядя на себя в зеркало. Все никак не мог привыкнуть к своему отражению. Нет, за те годы, что ничего не видел, он все-таки не забыл собственное лицо, как и лица близких ему людей, но проблема была в том, что он помнил всех – и себя в том числе – несколько моложе. Казалось бы, восемь лет – не так много. Когда видишь людей каждый день, кажется, что они и вовсе не меняются, но с перерывом изменения становятся заметнее. Сильно постарел отец за эти годы, что, наверное, не удивительно,

учитывая все обстоятельства. Мачеха, которую Влад привык называть «мамой», осталась почти прежней. Совсем, на его взгляд, не изменился Игорь, хотя, вероятно, дело в том, что до травмы они общались гораздо меньше и прежде он никогда особо не вглядывался в лицо водителя-телохранителя.

А себя Влад и в тридцать, должно быть, воспринимал моложе, чем был на самом деле, и потому ему было сложнее принять то, каким он стал в неполные сорок. Да и кома, паралич и долгое восстановление едва ли пошли его внешне-сти на пользу. Впрочем, он не мог сказать, что отражение в зеркале ему не нравится: седины в светло-русых волосах не было видно, Влад оставался в хорошей форме, а появившиеся на лице морщинки не бросались в глаза. Он вообще затруднялся сформулировать, что именно изменилось. Просто каждый раз было немного странно себя видеть. Но все же *видеть* само по себе было бесценно.

Когда он вышел из ванной, Юля уже проснулась, но пока только лениво потягивалась в постели.

– Ты чего так рано вскочил? – поинтересовалась она все еще немного сонным голосом.

Одеваясь, Влад пожал плечами.

– Что-то не спится. Да и мы же договорились с Нуреитдиновым утром прогуляться до кладбища. Правда, забыли согласовать время. Но лучше быть готовым. А у тебя сегодня, наконец, выходной?

Юля вздохнула и тоже пожала плечами.

– Как пойдет. Но срочных дел утром у меня нет, так что я собиралась немного поваляться.

– Так валяйся, – улыбнулся Влад. – Отдыхай. Тебе совершенно необязательно тащиться с нами в этот лес.

Уже полностью одетый, он подошел к кровати и присел на краешек с той стороны, с которой лежала Юля. Та как раз села, обнимая колени и все еще моргая очень медленно. Влад наклонился, чтобы поцеловать ее в кончик носа, чем вызвал широкую улыбку.

– Хочешь, я принесу тебе завтрак в постель? У вас же «шведский стол» по утрам, как я понимаю? Могу набрать тебе всякого-разного и захватить кофе.

– Звучит волшебно, – с явным удовольствием протянула Юля. – Но обязательно возьми круассан, я только что решила, что сегодня мне его можно. Раз уж все так... волшебно!

Влад пообещал, что обязательно возьмет, и оставил ее наслаждаться ленивым утром в одиночестве.

В зале ресторана было еще довольно пусто. Завтрак подавали до одиннадцати, поэтому никто из постояльцев не торопился на него после вечерних прогулок и пикников в специально отведенных зонах. Однако тот человек, который был Владу нужен, уже сидел за одним из столиков у окна.

– Я смотрю, вы тоже ранняя пташка? – поприветствовал он Нуреитдинова.

Тот оторвался от чтения в смартфоне какой-то статьи – скорее всего, новостной, – и удивленно поднял на него

взгляд.

– Да, знаете ли, чем дольше живу, тем раньше просыпаюсь, – признался он, привставая, чтобы пожать Владу руку. – А вам тоже не спится?

– Как видите. Возможно, тоже нюансы возраста?

Нурейтдинов рассмеялся и покачал головой.

– Вам до моего еще далеко.

С этим было не поспорить: насколько Влад знал, специалисту по сверхъестественному уже миновало шестьдесят, но для своего возраста выглядел он довольно хорошо: стройный от природы, он не сутулил плечи, а в пепельно-русых волосах седина терялась и была не слишком заметна.

– Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

Нурейтдинов не возражал, а вскоре выяснилось, что он вполне готов отправиться в интересующее их обоих место. Поэтому Влад поел быстро и задержался только для того, чтобы отнести Юле обещанный завтрак в постель.

* * *

На этот раз нужную могилу он нашел гораздо проворнее и мысленно похвалил себя за то, что накануне потратил время и побывал здесь, изучил обстановку.

– Вот этот символ.

– Да, вижу, – задумчиво протянул Нурейтдинов, присаживаясь рядом с надгробием и присматриваясь к нему. Он даже

достал смартфон и включил на нем фонарик, чтобы не упустить ни одну деталь. – А вы не знаете: это единственный такой символ или есть и другие камни с ним?

– Честно говоря, не знаю, – растерялся Влад. – Нам не пришлось в голову осмотреть остальные надгробия. Но пока я искал это, других не видел.

Нурейтдинов угукнул и тихо добавил, словно говорил сам с собой:

– Нанесен символ давно. Если и не в то же время, когда было установлено само надгробие, то как минимум вскоре после.

– Может быть, кто-то видел, как убийца прятал в чужой могиле свою жертву? – предположил Влад. – И таким образом пометил место?

– Вполне возможно, что отчасти вы правы.

– Но почему тогда тот человек так и не заявил о случившемся?

– Потому что правы вы только отчасти. Вряд ли символ нанесли, чтобы запомнить место. Для этого хватило бы и списать имя с камня.

– А если свидетель был неграмотным? – возразил Влад.

– Тоже не исключено, но маловероятно, учитывая сам символ... Вы что-то ищете?

Неожиданный вопрос застал его врасплох. До сего момента Влад не только не подозревал, что спутник обращает внимание на его действия, но и сам едва осознавал, что крутится

по сторонам и вглядывается в заросли кустов.

– Скорее, кого-то, да и то, наверное, зря, – признался Влад. – Просто накануне был здесь и видел девочку. Маленькую, лет семи, наверное, или даже шести. Она позвала меня и попросила проводить ее домой, мол, потерялась. Но стоило отвлечься на секунду, как она просто исчезла. И сколько бы я ни искал и ни звал ее, так больше и не появилась. То ли чья-то шутка, то ли я схожу с ума...

Нурейтдинов выпрямился и тоже с интересом оглянулся.

– Вот как? А как выглядела та девочка? Как была одета?

– Да как... Обычно, я не запомнил. Курточка какая-то, штаны... кажется, спортивные, но это неточно. Я слишком удивился, увидев ее, а потом она почти сразу исчезла, я не успел толком рассмотреть. Кажется, у нее были косички.

– То есть она не выглядела старомодно одетой?

– Определенно нет.

– Хм...

– Что?

Чуть хмурясь, Нурейтдинов ответил не сразу. Да и когда он заговорил, вместо ответа прозвучал вопрос:

– А женщину вы или кто-нибудь другой здесь, случайно, не видели? Может быть, обнаженную или просто не слишком одетую?

Влад удивленно приподнял брови и отрицательно качнул головой.

– Не слышал про такое. Почему вы спрашиваете?

– Да просто вспомнилась одна история. Я ее узнал четыре года назад, когда помогал полиции Шелково. Помните?

– Конечно, помню. Мы тогда и познакомились.

– Да, верно. Забавно, иногда подобные детали выскакивают из головы. Так вот, среди найденных мной тогда городских легенд была одна, кажется, про какой-то пустырь в промзоне. На этом пустыре якобы пропадали люди, встретив там девочку или обнаженную женщину. Обе манили за собой, просили помощи или просто куда-то звали.

– Точно, было что-то такое, – протянул Влад припоминая. – Но эта девочка никуда меня не звала. Наоборот, просила, чтобы я помог ей вернуться домой.

– Это еще не значит, что она не могла в итоге увести вас за собой в неизвестном направлении, – хмыкнул Нурейтдинов. – Впрочем, это может быть что-то другое. Даже шутка или...

– Поехавшая крыша? – со смешком предложил Влад.

– Я бы назвал это просто галлюцинацией, – поправил собеседник, сдержанно улыбаясь. – А у галлюцинаций бывают разные причины.

– Ладно, будем считать, что я пока в своем уме, а эта девочка – загадка, которую нам еще предстоит разгадать. Что вы там говорили про символ? Почему я частично прав и для чего, по-вашему, его нарисовали на самом деле? Что вы знаете об этом?

Нурейтдинов вздохнул, вдруг снял очки, достал из карма-

на легкой ветровки платок и принялся протирать линзы, хотя те в этом не нуждались. Действие было похоже на старую привычку.

– Я согласен с вами в том, что этот символ нанесли, увидев, как убийца прячет в могиле тело, но целью было не запомнить место. Думаю, именно благодаря этому символу неупокоенная душа убитой женщины сумела... скажем так, отправить послание и рассказать о том, что случилось. В своей манере, может быть, не совсем очевидной. Мертвым бывает сложно общаться с живыми.

– И кто же, по-вашему, нанес символ? – осторожно поинтересовался Влад. – Какая-нибудь местная... Баба-яга?

Нурейтдинов вернул очки на нос и посмотрел на него нарочито серьезно.

– Я слышу в вашем голосе нотки сарказма, – спокойно заметил он, – но Баба-яга – это, по сути, ведьма, живущая в лесу, а в далеком прошлом в местных лесах жила не одна ведьма.

– То есть? – Влад посерьезнел, но неосознанно скрестил руки на груди, словно закрываясь от того знания, которое собирался – или просто мог – вывалить на него этот необычный человек.

– Дело было давно, когда люди здесь – я имею в виду, непосредственно на озере и вблизи него, – еще не жили. В этих лесах скрывалось женское сообщество. Как именно оно образовалось, теперь уже наверняка никто не скажет,

но время от времени его пополняли женщины... скажем так, доведенные до отчаяния. По тем или иным причинам изгнанные из семьи и поселения, так или иначе опозоренные. Или просто пережившие настолько тяжелую утрату, что хоть в омут с головой. Собственно, для того они сюда и приходили...

– Топиться? – перебил Влад.

– Ну... да. Хотя я допускаю, что до некоторых просто долетали слухи о том, что здесь можно найти... пристанище, скажем так. Были и случаи похищения юных девушек либо же совсем еще девочек для пополнения сообщества.

– И вы говорите о сообществе... ведьм?

– Да, – улыбнулся Нурейтдинов. – Они селились в лесу, постигали тайное знание, получали от этого места силу. Вероятнее всего, от самого озера. Легенда гласит, что первая пришла сюда с намерением свести счеты с жизнью. Не умея плавать, она бросилась в озеро, но некая сила вернула ее обратно. По одной версии, еще живой, по другой – уже мертвой. Природная то была сила или дьявольская, как ее принято называть, полагаю, лишь вопрос веры и терминологии, но суть в том, что сила открыла женщине знание и велела служить ей. Так и началось.

– И куда потом делись все эти женщины? Сбежали подальше от надвигающейся на них цивилизации?

– Не совсем. – Теперь Нурейтдинов мрачно нахмурился. – Сообщество было истреблено людьми, считавшими, что ни-

кто не должен владеть тайным знанием. По отчетам тех, кто пришел сюда... наводить порядок, в лесу на тот момент проживало семнадцать женщин. Семнадцать ведьм. Всех убили, а тела развесили на деревьях вокруг озера, как предупреждение тем, кто решит прийти на их место. Так сообщество прекратило свое существование.

– И что, это произошло уже в двадцатом веке? – с сомнением уточнил Влад.

– О нет, гораздо... гораздо раньше.

– Но женщину, тело которой спрятали в этой могиле, убили уже в начале двадцатого века. Кто же тогда нанес символ?

Нурейтдинов посмотрел на старое надгробие, потом снова повернулся к Владу, и теперь в его взгляде читалось что-то такое, отчего у того мурашки побежали по спине.

– Знаете, в чем прелесть знания? Любого, не только тайного? Можно уничтожить его носителей, но само знание уничтожить гораздо сложнее. То, что открылось людям однажды, может открыться снова.

– Был бы ключ? – хмыкнул Влад.

– В том числе, – кивнул Нурейтдинов. – Но чаще всего такие силы выбирают тебя сами.

* * *

Прежде чем уйти, они еще побродили немного между почти стертыми с лица земли могилами, проверяя версию

о том, что таинственный знак нанесен только на один из камней, и действительно его больше нигде не нашли. Впрочем, едва ли у них были шансы отыскать все когда-то существовавшие надгробия, как и определить границы старого кладбища, но так версия стала более реальной.

В гостиницу они вернулись два с лишним часа спустя после того, как ушли, и сразу поняли, что что-то не так. На парковке стояли две полицейские машины, в главном холле толпились люди. Причем одни явно просто глазели на суматоху, другие принимали в ней активное участие.

– Людей надо собирать и поиски начинать! – громко заявлял какой-то мужчина.

– Разберемся, гражданин, успокойтесь, – несколько раздраженно отвечал ему молодой человек в полицейской форме.

На диванчике у стены, прижав к лицу платок, всхлипывала какая-то женщина, ее обнимал мужчина. Бледная Юля, не успевшая сегодня ни сделать макияж, ни облачиться в один из своих рабочих костюмов, что-то говорила охраннику. Закончив, она повернулась, заметила Влада и торопливо направилась к нему. На лице ее отразилось некоторое облегчение, словно его появление могло решить проблему.

– Что случилось? – поинтересовался Влад, едва она подошла.

– Девочка пропала. Дочь постояльцев. Совершенно непонятно, каким образом, но ее нигде нет. Ребята повторно

обыскивают пустые номера и все места, где нет видеонаблюдения, но отец девочки настоял на вызове полиции. И я не стала спорить.

Влад удивленно повернулся к Нурейтдинову, а тот лишь выразительно выгнул одну бровь и предположил:

– Может быть, это была не шутка, и не галлюцинация, а что-то вроде предчувствия?

Глава 6

15 мая, суббота

Медвежье озеро

Вячеслав Карпатский ненавидел Медвежье озеро ровно настолько, насколько живой человек в принципе способен ненавидеть какое-то место. Его бы воля, эту лужу давно засыпали бы песком или, на худой конец, обнесли трехметровым забором. Впрочем, высокие заборы только привлекают нездоровое внимание публики, поэтому песок надежнее. А еще надежнее: залить бетоном.

И все же он регулярно бывал здесь. После первых трех убийств, которые он расследовал, озеро негласно стало считаться чем-то вроде его «зоны ответственности». И когда там что-то происходило, звонили ему.

Приезжать сюда было тяжело. Каждый раз. До сих пор. Он еще не видел указателя и знакомого названия, но сердце уже болезненно сжималось, воспоминания оживали, и рука сама тянулась к пачке сигарет.

Сегодня, щелкнув зажигалкой и затянувшись ядовитым дымом, Карпатский вспомнил не только события десятилетней давности, но и то, как эта девочка спросила, справился ли он. Да уж, справился, конечно. Раз так и не пустил себе пулю в лоб, а живет, работает, ест, пьет, спит, значит, справился.

Прежде чем доехать до гостиницы и остановить машину на парковке, он успел выкурить еще одну сигарету, отчего во рту пересохло и горло слегка саднило, но Карпатский редко замечал такие мелочи. Ему было чем себя отвлечь.

В главном холле гостиницы, не успевшей проработать и месяца, но уже второй раз попавшей в поле зрения полиции, былолюдно. Карпатскому показалось, что большинство присутствующих здесь – лишние.

– Это у нас кто? Свидетели, потерпевшие, подозреваемые? – поинтересовался он у молодого полицейского из тех, кто первыми приехали на вызов.

Тот несколько удивленно оглянулся и пожал плечами.

– Да нет, просто постояльцы. Все идут мимо, некоторые застревают. Любопытно им.

– Ну так у нас тут не выставка, да? И не спектакль. Разгоняй их... – для верности взаимопонимания майор красочно уточнил, в каких именно направлениях стоит разогнать любопытный народ.

Парнишка торопливо кивнул и вместе с коллегами принялся выполнять распоряжение. Вскоре в холле стало значительно просторнее и тише. Здесь остались только испуганная девушка-администратор, обнимающаяся парочка на диване, вероятно, родители пропавшего ребенка, уже знакомый молчаливый охранник, хозяйка гостиницы и еще двое мужчин. В одном из них Карпатский сразу узнал Владислава Федорова, мужа хозяйки и, вероятно, совладельца бизнеса. Рядом

с ним стоял мужчина лет шестидесяти, совершенно не похожий ни на охранника, ни на делового партнера. Впрочем, судя по внешности, он вполне мог оказаться адвокатом, например. В прошлый раз, когда Карпатский задержал Юлию Федорову, вызволять ее приехал другой, но у таких людей целые армии юристов.

Молодая хозяйка его, конечно, узнала. Едва увидела, сразу вся подобралась, даже плечи расправила и чуть подбородок вздернула. Посмотрела почти с вызовом, но без лишней дерзости. Она старалась транслировать, скорее, уверенность и чистую совесть.

Женщина была хорошенькой. Молодая, свежая, но уже очень серьезная, целеустремленная. Определенно не из тех, кто, поймав известным образом богатого мужика, занимается только надуванием сисек и губ. Нет, Юлия Федорова была другой. В серых глазах читались ум и желание что-то кому-то доказать. В иных обстоятельствах она, должно быть, даже понравилась бы Карпатскому.

Но что-то в ней заставляло его интуицию посылать тревожные сигналы. Какая-то искусственность, двуличие... или просто второе дно. Причин этого впечатления Карпатский все никак не мог уловить. Дело определено было не в том, что Федорова красила волосы в более выразительный цвет – каштановый с золотым отливом. Это делают многие женщины, часто независимо от того, каким цветом наградила их природа. Вела она себя тоже нормально: не задава-

лась, не хамила, и ему пока ни разу не удалось подловить ее на лжи, но Карпатский все равно подозревал ее во всех тяжких. Это происходило на бессознательном уровне, на котором и работает интуиция, он просто следовал за ней. Потому что доверял.

Карпатский знал, что коллеги за его спиной посмеиваются над этой блажью, но действительно привык доверять интуиции. И чаще всего она его не подводила. Хотя всякое, конечно, случалось, от ошибок ведь никто не застрахован. Улики запутывают даже самых логичных, криминалисты что-то пропускают или неправильно интерпретируют, свидетели врут, причем часто ненамеренно, судьи и присяжные делают неверные выводы. Ошибается даже полиграф! Но если что-то хорошо работает в восьмидесяти процентах случаев, к этому стоит прислушиваться.

– Добрый день, Юлия Андреевна, – поздоровался Карпатский нарочито вежливо, поглядывая при этом на Федорова, который пока предпочитал держаться позади.

С этим парнем тоже что-то было не так. Он стоял в темных очках, и насколько Карпатский помнил, был слеп, но сейчас ему казалось, что чертов хозяин жизни смотрит на него.

– Добрый день, Вячеслав... – она замялась, нахмурившись. – Простите, не помню вашего отчества...

– Витальевич. Чем порадуете меня сегодня?

– Думаю, вам уже сообщили. – Она как-то беспомощно развела руками. – Девочка пропала. Судя по всему, прямо

из номера, в котором ночевала с родителями.

И она предсказуемо указала на обнимающуюся на диване парочку.

Настала очередь Карпатского сдвинуть брови, недоверчиво переводя взгляд с родителей пропавшего ребенка на хозяйку гостиницы и обратно. Ему действительно сообщили, что на озере пропала девочка, отчего его сердце екнуло еще в тот момент, но по контексту создалось впечатление, что она просто потерялась. О загадочном исчезновении из номера речи не шло.

Федорова подвела его к парочке и представила. Родители девочки моментально подскочили с мест, заметно волнуясь.

Им было лет по сорок. Сначала казалось, что женщина несколько моложе, но лишь из-за того, что она сохранила стройность и явно лучше следила за собой, хотя вытравливание волос в цвет «платиновая блондинка» не шло им на пользу. У мужчины же рос живот и выпадали волосы. Последним страдал и сам Карпатский, только у него на голове образовались две не слишком критичные, на его взгляд, залысины, а у отца пропавшей девочки блестела вся макушка.

– Как зовут вашу дочь и сколько ей лет? – поинтересовался Карпатский, доставая блокнот.

– Марианна, – первым ответил отец, – но дома мы зовем ее просто Анечкой. Ей восемь. С половиной.

Записывая, Карпатский невозмутимо кивнул, никак не выразив удивления, хотя искренне не понимал, зачем да-

вать ребенку такое вычурное имя, а потом в жизни называть обычным. Интересно, Диану тоже дома называют Диной? Или той же Аней?

— Как и когда вы обнаружили исчезновение ребенка? И вообще, расскажите поподробнее о том, что произошло.

— А вот что произошло — совершенно непонятно! — довольно эмоционально заявил отец, снова опередив жену. — Мы приехали вчера, немного погуляли, поиграли на улице, потом поужинали, еще раз сходили к озеру, Анечка покидала в него камушки, а потом мы пошли в номер. Посмотрели телевизор и легли спать. А утром, когда проснулись, Ани в номере уже не было.

— Во сколько вы проснулись?

— Около десяти. Может, без четверти.

Карпатский сделал пометку в блокноте и бросил взгляд на женщину. Обычно в таких ситуациях активными бывали именно они: отвечали быстрее, знали все точнее и вообще были куда более... заинтересованы в результате, так сказать. Исключения составляли случаи, когда из-за исчезновения или гибели ребенка мать пребывала в полуобморочном состоянии или находилась под действием лекарств. Но с этой женщиной определенно все было в порядке. Нет, она прижимала к лицу руку с платком, периодически промокала им глаза, ее пальцы заметно дрожали, но все выглядело как-то неправильно. Интуиция вновь зазвонила в тревожный звонок: что-то с этой женщиной не так.

– Марианна могла уйти сама? Или открыть дверь, если бы кто-то постучал?

– Она никогда так не делает, – уверенно отрезал отец. – Анечка знает, что уходить без нас нельзя и что дверь открывать никому нельзя.

– А если бы она проснулась рано и заскучала?

– Она бы разбудила меня, – с той же уверенностью заявил отец. – И если бы кто-то постучал в дверь, сделала бы то же самое.

– Именно вас? – уточнил Карпатский, на этот раз более выразительно посмотрев на его жену. – Не маму?

– Я мачеха, – наконец подала голос женщина. – Мы с Колей поженились два года назад.

– Та-ак... – протянул Карпатский. Теперь ее поведение стало гораздо понятнее: за ребенка она все-таки переживает, но дочь не родная, потому эмоции смазаны. – А мать Марианны?

– Погибла, когда Анечке не было и трех лет, – вздохнул отец. – Лихач на переходе. Она едва Анечку оттолкнуть успела...

Карпатский снова кивнул, делая пометки в блокноте и мысленно вычеркивая только что появившуюся версию похищения ребенка родной матерью. На всякий случай уточнил, нет ли споров по опеке с родственниками по материнской линии. Оказалось, что и там все спокойно: девочка регулярно гостит у бабушки и дедушки, а у брата погибшей

женщины своя семья и на воспитание племянки он никогда не претендовал.

– А какие у вас отношения с девочкой? – поинтересовался Карпатский у мачехи.

Та пожала плечами.

– Нормальные. Я люблю Анечку как родную, своих детей у меня нет, так что она у меня единственная. Я ее не обижаю, если вы на это намекаете.

– Я ни на что не намекаю, я выясняю обстоятельства дела, – спокойно поправил он. – Значит, накануне у вас не было с девочкой никаких конфликтов?

– Нет, ничего не было, – снова перехватил инициативу отец. – У нас нормальная семья. Анечка маму почти не помнит, и к Наташе она очень привязана.

– Вячеслав Витальевич, позвольте мне кое-что вставить, – вклинилась Федорова. – Дело в том, что девочка не выходила из номера. Мы уже просмотрели записи видеокамер из того коридора. Никто не заходил и не выходил из номера. Могу вам показать.

– А покажите, – не стал отказываться Карпатский.

Его отвели в комнату за стойкой администратора. Там на огромном столе стояли мониторы, на которые транслировалось видео с разных камер. В той же комнате Карпатский заметил диван, небольшой столик с парой стульев рядом и тумбочку с чайником и органайзером для пакетиков и стаканчиков.

Сидящий за столом с мониторами охранник уже был готов демонстрировать нужную запись, а в комнатку, кроме них с Федоровой, вошел еще и ее муж. Прежде чем Карпатский успел удивиться его присутствию, тот снял темные очки и с любопытством посмотрел на экран.

– Вот так раз! – не удержался Карпатский. – Я думал, вы слепой.

– У вас устаревшая информация, – усмехнулся Федоров. Больше он ничего не сказал, а Карпатский не стал спрашивать: к текущему делу это отношения не имело. Во всяком случае, пока.

Ему продемонстрировали запись с камеры. Подробно показали отрывок, в котором было видно, как семейство из трех человек заходит в номер. Девочка выглядела довольно веселой, шла вприпрыжку и держалась за руку мачехи, словно та и впрямь была ее родной матерью. Дверь за ними закрылась в девять часов двадцать пять минут вечера.

Охранник включил перемотку. Когда в коридоре кто-нибудь появлялся, он сбавлял скорость воспроизведения, но никто не приближался к двери. Только одна женщина притормозила, проходя мимо, и повернула голову, возможно, услышала какой-то шум, но она тоже не остановилась, прошла дальше. Судя по тайм-коду, было это примерно в половину одиннадцатого. После коридор и вовсе опустел, поэтому следующие несколько часов они просмотрели в ускоренной перемотке, а вновь остановились, когда по коридору

пошли люди. Время в углу показывало, что уже наступило утро, да и освещение об этом говорило: в окна лился солнечный свет.

Без пяти минут десять дверь номера открылась и из нее выскочили обеспокоенные супруги. Звук камера не записывала, но было понятно, что они зовут потерявшуюся девочку.

– Вот так, – тихо выдала Федорова, скрещивая на груди руки. – Ничего не понятно.

– Это вам ничего не понятно, – хмыкнул Карпатский. – А мне становится яснее. Мне нужны все записи со всех камер за последние сутки. И покажите комнату, из которой пропала девочка.

Федоровы, по всей видимости, решили полностью содействовать полиции. Вероятно, действительно не чувствовали за собой вины и были заинтересованы в скорейшем благополучном разрешении ситуации. Записи ему пообещали и в номер сразу повели. Федоров только ненадолго задержался рядом с пожилым мужчиной и что-то ему сказал. Тот нахмурился, кивнул и пошел к лифту. Вероятно, это все-таки не адвокат, а кто-то из постояльцев, но не из случайных, а своих. Карпатский сделал себе мысленную пометку потом уточнить.

Родители девочки на этот раз пошли вместе с ними. Как Карпатский и ожидал, их комната оказалась на первом этаже: он заподозрил это еще по коду, который светился на записи рядом с отметкой времени.

Здесь оказалось весьма уютно. Помещение выглядело просторным, несмотря на две кровати (двух- и одноместную), письменный стол и три прикроватные тумбочки. На столе стоял небольшой чайник и чашки, в деревянном ящичке лежали пакетики с чаем, растворимым кофе и сахаром. На стене висели телевизор с плоским экраном и зеркало. Карпатский машинально отметил, что зеркало висит прямо напротив одноместной кровати, где, очевидно, спала девочка. Ему вспомнилось, как много лет назад жена сокрушалась, что в маленькой спальне зеркало не повесить: куда ни приткни, в нем отражается спальное место. Почему-то это было плохо, но теперь он уже не помнил почему.

Бегло осмотрев санузел и заглянув в шкаф, Карпатский пересек комнату и подошел к окну. Конечно, никаких решеток – это он помнил еще по виду здания снаружи. Большая створка легко открылась, стоило только нажать на ручку.

– Вы открывали окно накануне? – поинтересовался он, осматривая подоконник и раму.

– Да, – признал отец. – Мы проветривали перед сном. Но потом все закрыли. И утром окно было закрыто.

– Закрыто на замок изнутри? Вы это точно помните?

– Определенно!

– Тогда вариант остается только один, – хмыкнул Карпатский и повернулся к родителям. Точнее, к отцу и мачехе пропавшего ребенка. – Ну, или два, но в один из них мне верить не хочется. Весь вопрос в том, чем вам помешала девочка?

И что вы с ней сделали?

Пока говорил, он снова пересек комнату и почти вплотную подошел к мачехе, глядя ей прямо в глаза. Та побледнела, зрачки заметно расширились, женщина тяжело задышала и отрицательно замотала головой.

– Я ничего... ничего не делала! Я люблю Аню!

– Майор Карпатский, не слишком ли вы торопитесь с выводами? Опять? – холодно поинтересовался Федоров, успевший догнать их.

Отец девочки обнял жену за плечи, демонстрируя, что доверяет ей и не даст в обиду, и нервно заявил:

– Наташа здесь ни при чем! Вы не там ищите!

Карпатский вздохнул и покачал головой. Ну что за люди? Почему все считают себя умнее полиции?

– Давайте опираться не на эмоции, а на факты, – предложил он, выразительно посмотрев на каждого, кто ему возразил. – Дверь номера не открывалась с тех пор, как вся семья вернулась с прогулки, и до тех, как исчезновение ребенка было обнаружено. Вы мне сами только что это показали и все видели. Комната находится на первом этаже, окно легко открывается изнутри и, естественно, не открывается снаружи. Соответственно, забраться внутрь можно, только разбив стекло, но оно целое, а вот выбраться наружу – легче легкого. Под силу и ребенку, и женщине. И даже мужчине, не особо следящему за формой.

Карпатский скользнул многозначительным взглядом

по отцу девочки, но он, кажется, не уловил намека. Вероятно, его мысли сейчас были заняты другим.

– Соответственно, остается не так много вариантов. Потому что, если бы девочка сбежала сама или ее выманил посторонний, окно не получилось бы закрыть. Соответственно, утром оно было бы приоткрыто, но нам уверенно заявили, что оно было закрыто изнутри. Стало быть, один из вас ночью открыл его и выбрался наружу вместе с Марианной, а вернулся уже без нее. Закрыл окно и лег в постель. Будь перед нами родные родители девочки, я бы в первую очередь подозревал вас.

Карпатский снова посмотрел на отца, и на этот раз заметил, как его щеки покрывают красные пятна – кажется, от злости.

– Потому что по статистике подавляющее большинство педофилов именно мужчины, живущие в браке или состоящие в постоянных отношениях. Но поскольку мы имеем дело с мачехой, – он перевел взгляд на женщину, – первое место в списке подозреваемых переходит к вам. Поэтому я повторяю свои вопросы. Чем вам помешала девочка? И что вы с ней сделали?

Бледная как смерть, Наташа только смотрела на него и беззвучно открывала и закрывала рот, качая головой. Ее пальцы дрожали, ее всю трясло, в глазах собирались слезы. Муж все еще обнимал ее за плечи, но смотрел уже немного иначе: логические цепочки, очевидно, заставили его задуматься.

маться.

Женщина так ничего и не ответила, поэтому Карпатский уже собирался потребовать отдельную комнату для разговора с ней – чтобы додавить гадину, но не успел. В номер вошел охранник, который топтался в холле, и молча протянул Федорову какую-то распечатку. Тот сначала нахмурился, глядя на лист, а потом усмехнулся и посмотрел на Карпатского с видом победителя, словно только что раскрыл дело. Или как минимум сумел разрушить стройную версию полиции.

– Что там? – поинтересовался Карпатский, кивая на бумагу.

– Игорь догадался проверить логи открытия замка на двери номера. Знаете, каждый раз, когда к нему прикладывают карточку, это фиксируется в системе. Так вот, дверь все-таки открывали ночью. В три пятнадцать. Как минимум к замку прикладывали карту.

Федоров протянул ему распечатку, чтобы Карпатский смог убедиться в верности его слов.

– Но судя по записи с камеры, в это время в коридоре никого не было. Получается, записи и логи системы безопасности противоречат друг другу?

– Получается, – согласился Федоров и посмотрел на жену. Та выглядела шокированной этой новостью.

– Что ж, это все меняет, – признал Карпатский. – А что означает слово «мастер» вот здесь, английскими буквами?

– Мастер-карта, – пояснила Федорова. – То есть ключ от всех дверей. Они у горничных, охранников...

– И у вас? – предположил Карпатский, сверля ее взглядом.

– И у меня, – мрачно подтвердила она.

– Что ж, это действительно все меняет. Кажется, я у вас задержусь.

Глава 7

15 мая, суббота

г. Шелково

Вернувшись домой, Диана снова – уже в который раз за утро! – почувствовала себя неловко. В гостиной был бардак, какого эта комната еще ни разу не видела за все то время, что Диана здесь жила. На полу валялись пакеты из-под чипсов, сухариков и прочей дряни, привезенной накануне Лерой, две пустые бутылки из-под вина, какие-то крошки. В тарелках на столике перед телевизором засыхали недоеденные куски пиццы, кружочки колбасной нарезки, оливки. В комнате все еще пахло алкоголем и нездоровой едой, поскольку все окна в квартире были закрыты.

Диана покачала головой и порадовалась тому, что хотя бы эту часть ее падения никто, кроме нее, не увидит.

Мысленно дав себе обещание вообще больше не пить, она раздернула шторы, открыла форточки, собрала все упаковки, бутылки и остатки еды в мусорный пакет, убрала посуду в посудомойку и включила ее, хотя та осталась полупустой. Очень уж хотелось поскорее уничтожить все следы гулянки и забыть о позорном эпизоде.

Пропылесосив комнату, Диана задумалась о том, чтобы устроить день генеральной уборки, но быстро отменила эту идею. От развитой бурной деятельности голова начала сно-

ва побаливать, а силы, которых и так было на доньшке, моментально исчерпались. Да и стены квартиры, в которой она безвылазно провела несколько дней, давили.

Если бы не бурная ночь, Диана заткнула бы уши плеером и отправилась на пробежку, но сегодня от мысли о беге сразу замутило, поэтому она предпочла принять быстрый душ, переодеться и отправиться на прогулку. Погода обещала быть чудесной, а свежий воздух и ходьба всегда идут на пользу.

Музыка в ушах помогала заглушать мысли, но они все равно то и дело пробивались. Диана поймала себя на том, что дуется на Лерку, ведь та бросила ее в клубе в бессознательном состоянии и до сих пор даже не позвонила спросить, жива ли она вообще. Но потом сообразила, что с точки зрения подруги все может выглядеть точно так же: Диана бросила ее в клубе и не потрудилась узнать, как она.

Пришлось выключить музыку и набрать номер Леры. Та ответила не сразу, а голос ее прозвучал сонно и недовольно. Впрочем, узнав Диану, она оживилась и принялась делиться впечатлениями о прошедшей ночи. Судя по всему, у нее сохранилось больше воспоминаний.

– А ты куда потом пропала-то? Даже не попрощалась! – добавила Лерка, попытавшись изобразить возмущение. – Мы думали, ты в туалет пошла, но тебя там не оказалось. Колись, свалила с тем губастеньким брюнетом, с которым танцевала?

Диана прикрыла глаза, с трудом принимая очередную

порцию новостей. Какой еще брюнет? Впрочем, теперь уже неважно. Хорошо, что она с ним не «свалила».

Рассказывать, как все было, совершенно не хотелось, поэтому Диана ограничилась лаконичным объяснением, что сама не помнит, как уехала из клуба (что было правдой), и заверением, что с ней все в порядке, но в ближайшее время она не собирается ни на какие тусовки.

– Как скажешь, конечно, но тебе хоть стало лучше? – немного обиженно уточнила Лерка.

– Стало, Лер. Спасибо тебе, – со всей доступной ей искренностью соврала Диана.

На чем и распрощалась с повеселевшей подругой.

После она бродила по паркам и улицам города еще добрых два часа. Прошлась по набережной и другим прогулочным зонам, прокручивая в голове события последних дней и недель, но чаще мысленно возвращаясь в сегодняшнее утро. Ощущение потерянности никуда не делось, но к нему примешалось стойкое чувство отвращения к самой себе. И с этим что-то нужно было делать.

Окончательно выбившись из сил, Диана добрела до ближайшей кофейни, коих в центре города хватало. Есть не хотелось, но организм настаивал на порции кофе. Обычно она выбирала капучино на обезжиренном молоке, но сегодня решила побаловать себя рафом¹. Народу в зале было немного,

¹ Раф-кофе – кофейный напиток, приготовленный с использованием вспененных сливок.

поэтому ей досталось шикарное место у огромного окна, выходящего на оживленную улицу.

В кофейне играла вполне приятная музыка, а уши устали от наушников, и Диана решила дать им отдохнуть, поэтому сразу услышала, когда над ней кто-то внезапно произнес:

– А я все думал, ты это или не ты, решил зайти и убедить-ся.

Она вздрогнула от неожиданности, подняла голову и с удивлением узнала в заговорившем с ней мужчине Дениса Савина. Держа в руках чашку со своим напитком, он вопросительно кивнул на второе кресло за ее столиком.

– Не возражаешь, если я к тебе присоединюсь?

– Ничуть. Не ожидала тебя здесь встретить. Ты какими судьбами опять в Шелково? Еще одна лекция?

– Да нет, пока рановато. Две мотивационные лекции подряд в Шелково не прокатят, – усмехнулся он, садясь напротив и машинально проводя рукой по темным волосам, чтобы убрать от лица слишком отросшие пряди. Скользнув по ней внимательным взглядом, мягко поинтересовался: – Как ты? Выглядишь... ну, хуже, чем обычно, скажем так.

– Вот спасибо! – фыркнула Диана, но не обиделась.

И так знала, что сегодня не лучший день в ее жизни. Наверное, не стоило удивляться, что именно сегодня к ней как магнитом притягивает знакомых мужчин: сначала Карпатского, теперь Савина. Впрочем, полицейского майора притянуло еще ночью, и ему достался худший вариант. Сто-

ило вспомнить об этом, как снова накатили стыд и неловкость.

– Честно говоря, я и чувствую себя весьма паршиво, – призналась она, стараясь отогнать неприятные мысли.

– Хочешь поговорить об этом? – предложил Савин с улыбкой.

– Хочу, но не с кем.

– Как же не с кем, когда у тебя есть я?

Диана с сомнением наморщила лоб.

– Чтобы ты задвинул мне одну из своих речей о важности позитивного мышления?

– Слушай, ну я же не только коуч! – обиженно отмахнулся он. – По большей части я нормальный человек.

Сняв очки, Савин положил их на стол рядом с собой и уставился на Диану чуть воспаленными глазами. Она знала, что он уже три года страдает бессонницей, и подозревала, что за прошедшие с их последней встречи две с половиной недели ситуация принципиально не улучшилась.

– Видишь? Я уже не мотивационный спикер Савин, а просто Денис. Человек, вместе с тобой переживший одну из самых странных историй. Может, мы и не особо близкие друзья...

– Да мы вообще не друзья, – насмешливо перебила Диана.

– Ай! Это было больно, – с напускным трагизмом заявил он, приложив ладонь к груди с левой стороны. – Но даже если так... Зато я в курсе твоей ситуации. Со мной можно

поговорить.

И он был прав. Как минимум это достаточно безопасно, ведь Савин – редкий гость в ее жизни. Почти случайный попутчик. Диана набрала в легкие воздух, собираясь вывалить на него все, что накопилось в душе, но вдруг поняла, что все равно не может. Не знает, с чего начать, не находит слов. Она просто... не привыкла откровенничать с кем-то.

В итоге вместо всего, что хотелось, Диана сказала совсем другое:

– Двенадцатого у нас с Кириллом была бы пятая годовщина отношений.

Она сказала это и замолчала. Не дождавшись продолжения, Савин мягко уточнил:

– И ты задаешься вопросом, как бы все сложилось, если бы не история с записями?

Диана задумалась ненадолго и неопределенно качнула головой, то ли отвергая его версию, то ли соглашаясь с ней.

– Наверное, я больше задаюсь вопросом, кем была для него. Он ведь дал мне все! Квартиру, в которой я живу, машину, на которой езжу, салон, который меня обеспечивает... Он заботился обо мне, и я верила, что он меня любит. И любила его. И старалась быть лучшей версией себя – для него! А он врал мне. И хотел убить. Я не понимаю, как одно вяжется с другим...

– Оно нормально вяжется в ненормальном сознании, – спокойно пояснил Савин. – Обычно, когда мужчина влюблен

в женщину, он желает близости с ней. Он окружает ее заботой и при возможности осыпает подарками, что само по себе приносит ему удовлетворение, но хочет он именно физической близости и при удачном стечении обстоятельств рано или поздно получает ее. Дальше в списке желаний идут сложившиеся в нашем сознании атрибуты счастливой совместной жизни: свадьба, общий дом, дети и все такое. Но в травмированном сознании твоего Кирилла одним из атрибутов счастья стала смерть. Убийство. Для него это такая же потребность, как для другого – секс. Чем сильнее он любит, тем сильнее хочет убить...

– Чушь, – тихо перебила Диана. – Ты не видел его в тот день. Это была не любовь и даже не страсть. Он ненавидел меня в тот момент...

– Одно другого не исключает. Любовь и ненависть всегда ходят рука об руку. Можно получать неземное удовольствие от убийства и ненавидеть это. Это как... пирожное или сладкий жирный раф-кофе! Очень вкусно, но чувство вины так и гложет. Разве нет?

Диана посмотрела в свою чашку, вздохнула и кивнула. Да, эта аналогия была ей близка и понятна.

– Что тебе действительно нужно осознать, так это то, что ты ни в чем не виновата. И даже он не виноват. Виновата детская травма. Но она все равно делает ваши отношения невозможными. Когда устремления настолько расходятся и его абсолютное, пусть и краткосрочное счастье означает

твою гибель, любви не остается места. Это надо просто принять. И идти дальше. Жить своей жизнью.

— Разве она у меня есть? — горько усмехнулась Диана. — Я жила его жизнью...

— А теперь заведешь свою. Тут главное — принять решение, отказаться от чувства вины и идти вперед, не оглядываясь назад. Пойми, чего ты хочешь. Ты вольна сохранить прежний образ жизни, но теперь стараться не для Кирилла, а для себя. А можешь перевернуть все с ног на голову в поисках истинной себя. Не знаю... Продай подаренные им бизнес и машину, а деньги отправь на благотворительность, чтобы освободиться от прошлого и начать с нуля. Найди работу по душе...

— Нет уж, спасибо, — сухо отказалась Диана, глядя на него, как на сумасшедшего. — Я, конечно, в стрессе и в подавленном состоянии, но не рехнулась. Быть несчастной гораздо проще, когда в кошельке и на карточках есть деньги. И не надо везде ходить пешком.

— Некоторые считают, что бедность очищает, — улыбнулся Савин.

— Да, меня большую часть жизни пытались убедить, что лучше быть бедной и больной, чем богатой и здоровой, — проворчала она. — Я не верила в это тогда, не верю и сейчас.

Он вопросительно приподнял брови, предлагая ей рассказать. Диана слегка поморщилась и призналась:

— Мои родители. Большие поклонники теории о честной

бедности, которая обалденно очищает. Мы всегда жили... ну, может, не совсем плохо, но нехорошо, понимаешь? И они никогда не стремились к тому, чтобы сделать лучше. Потому что, по их мнению, много зарабатывают только воры и подлецы, а они выше этого. Работа должна быть тяжелой, ненавистной и низкооплачиваемой – тогда это действительно *работа*. А если денег не хватает на жизнь, значит, жить надо скромнее. Еда должна быть простой и дешевой, одежда – практичной, а не красивой. Я уже не говорю про всякую там косметику – это страшное излишество, нужное только не очень хорошим женщинам, если ты понимаешь, о чем я.

– Понимаю, – улыбнулся Савин.

– А честной женщине хватит и просто мыла, чтобы быть чистой. Ну, ладно, я немного утрирую, потому что шампунь и дезодорант у нас все-таки тоже были. А еще детский крем. Знаешь, такой в тубиках?

Он снова кивнул, подтверждая, что знает. А Диана все больше распалялась, рассказывая.

– У нас дома было только очень нужное и практичное. Ничего *красивого*. Даже захудалого парадного сервиза где-нибудь в шкафу. Мама – учительница, а папа – инженер. Мама никогда не брала учеников, как делают другие, отработывала только стандартную ставку, потому что так *правильно*. А в свободное время предпочитала читать, потому что только чтение дает духовное развитие. Правда, папа проводил вечера перед телевизором, разгадывая кроссворды и скан-

ворды. Ему это разрешалось. Он мог спокойно заниматься этим, даже когда у него не было никакой работы. Найти что-нибудь не по специальности, но чтобы платили? Нет, зачем? Это же роняет достоинство инженера! А ходить двадцать лет в одном костюме – ничего не роняет.

Диана вдруг замолчала, снова опуская взгляд в чашку, где на поверхности кофе еще пенились взбитые сливки. Она словно размышляла, стоит ли говорить дальше.

– Ты тогда спросил, кто из родителей поднимал на меня руку. Так вот, мама себе это позволяла. Нечасто, несильно, но позволяла. Ее любимым наказанием было поставить в угол. Меня ставили в угол лет до тринадцати, представляешь? И я стояла! Если я тупила, она могла дать мне подзатыльник. Потом, когда я подросла и во мне проснулся дух бунтарства, появились пощечины. До затылка уже не всегда получалось дотянуться, а в углу я стоять отказывалась. Я мечтала о том дне, когда смогу уйти из родительского дома. Выбор профессии рассматривала только через призму вопроса: «Где можно побольше заработать?» Решила, что надо идти в экономику или юриспруденцию, потому что на программирование у меня мозгов не хватало. Все лето перед одиннадцатым классом я подрабатывала промоутером, просто чтобы купить себе какой-нибудь красивой одежды. И косметики. Мама ругалась, конечно. И настаивала, чтобы я после школы шла в педагогический.

Она остановилась, чтобы сделать большой глоток почти

оставшего рафа и протолкнуть внезапно вставший в горле ком.

– Когда я познакомилась с Кириллом... Это, знаешь, было как провалиться в другой мир. Круче, чем уехать в Хогвартс. Мама, конечно, не одобряла. Стыдила меня. Говорила, что я ее позорю, что она меня не так воспитывала. Мало того что я позволила себе внебрачную связь, так еще и с бандитом вдвое старше...

– Кирилл разве бандит? – удивился Савин.

– Он бизнесмен, – Диана выразительно округлила глаза. – Состоятельный бизнесмен. А значит, вор, подлец и, безусловно, бандит, потому что честным образом такие деньги не заработать. В общем, когда он предложил снять мне квартиру, я чуть ли не бегом туда побежала. И первые полгода как заведенная покупала всякие тарелочки, вазочки, бокалы, клевые чашки, какие-то картинки на стены... Он помогал выбирать, давал денег. Водил меня по магазинам с одеждой, дарил украшения. И при каждой встрече дарил цветы. У нас дома вообще не было принято дарить цветы, только на первое сентября и некоторые другие праздники мама приносила их из школы, а папа ей не дарил никогда. И мне, соответственно, тоже.

– А как папа относился к Кириллу в твоей жизни?

Диана пожалала плечами и усмехнулась.

– А никак. Ему вообще все пофиг. Лишь бы телек работал и кроссворды были. Не скажу, что он когда-нибудь активно

поддерживал ругань мамы, но никогда ничего не говорил поперек.

– И никогда за тебя не заступался?

– С чего бы? Воспитание дочери – дело матери.

Савин вздохнул, качая головой.

– Да уж, непростая ситуация. А что они сейчас говорят? Ну, теперь, когда вся эта история с Кириллом вскрылась?

– Мне? – уточнила Диана. – Ничего не говорят. Мы ни разу не разговаривали с тех пор. Последний раз мама звонила в мой день рождения. Она всегда звонит в день рождения и на Новый год. Поздравляет. Читает нравоучения. Стыдит. Я звоню им на их дни рождения. Ну и в самых крайних случаях. Когда я переезжала, мама сказала, что я еще приползу к ним просить прощения, когда Кирилл меня бросит и оставит без средств. Я сказала, что ноги моей больше не будет в их доме. На том и расстались. Сначала, правда, перезванивались. Я все ждала, что она поменяет отношение. А она, наверное, ждала, что я одумаюсь. Ни того ни другого не произошло, и разговоры потеряли смысл.

– Ну, может быть, теперь что-нибудь изменится, – нарочито бодро предположил Савин. – Возраст обычно смягчает людей. А главный раздражитель – то есть, Кирилл, – исчез. К тому же ты едва не погибла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.